

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[**ВЕЧНЫЙ**
ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД]

Annotation

Благородный дон Ив Счастличик, мистер Корн, аббат Ноэль, Черный Ярл — Вечный меняет имена на протяжении полутора веков, пока длится космическая экспансия «могущественных», представителей поливидовой цивилизации, покоряющей расы и народы на своем пути. И все чаще он задумывается о том, что победить в этой войне невозможно. Но если люди до сих пор не проиграли, быть может, сообщество «могущественных» не так уж монолитно и ересь Относящегося уже пустила корни в разных кастах?.. Между тем в изолированном Тронном мире матриархата повзрослевшая королева Тэра снова становится жертвой заговора аристократов, но на этот раз за мятежом стоит нечто большее. Дети гнева — плод экспериментов «могущественных» с человеческими генами, «одноразовые» универсальные солдаты, все как один мужского пола — встали на сторону Вечного. Вот только «могущественные» провели не один эксперимент...

Роман Валерьевич Злотников

Последний рейд

Корабли вынырнули из-за второй луны и ринулись вниз по такой глиссаде, что, какие бы на них ни стояли компенсаторы, у пилотов и всех, кто там находился, глаза должны были вылезать на лоб. Ну не существовало в природе компенсаторов, способных снизить до приемлемого уровня перегрузки свыше 200 G. Максимум — 160. Все, что более, уже требовало совершенно другой физики, которую, вероятнее всего, использовали бы в первую очередь для конструирования новых двигателей, более мощного силового поля, новых орудий, а уж потом только для таких второстепенных вещей, как гравикомпенсаторы. Но и выхлоп, и интерферентная картина лучей, отраженных от силового поля, выдавали совершенно стандартные характеристики. А это означало, что двигатели и силовое поле этих мчавшихся к поверхности кораблей совершенно обычные. Ну, может, слегка помощнее (и, судя по спектру выхлопа, изрядно погрязнее; как видно, существа, сидевшие в этих зловещих стальных коробках, не очень-то боялись радиации), но совершенно обычные. На поверхности планеты взвыли сирены.

Солдаты, выброшенные из коек их завыванием, суматошно натягивали боевые комбинезоны и, смачно матерясь на всех известных им языках, мчались на свои места, определенные боевым расписанием. А никогда не дремлющие искусственные интеллекты БИСов уже поднимали из капониров и разворачивали в зенит раструбы излучателей планетарных мортир, с лязгом загоняли в направляющие транспортно-пусковые контейнеры гиперскоростных ракет. На стартовых столах уже разворачивались в небо хищные стрелы аэрокосмических истребителей... Только все было напрасно. Они не успевали. Небо над военными базами взорвалось грохотом. Это означало, что неведомые налетчики уже ворвались в плотные слои атмосферы и до поверхности им осталось всего около тридцати километров — при той скорости, которую имели атакующие, около восьми секунд полета. Впрочем, существовала некая гипотетическая вероятность, что пилоты, буквально размазываемые чудовищной перегрузкой по своим ложементам, совершат ошибку, и эти отчаянно, с дикими перегрузками тормозящие корабли не успеют затормозить и просто врежутся в поверхность. Конечно, при таком исходе обитателям планеты тоже не очень-то поздоровится, но по сравнению с тем, что здесь начнется, если они приземлятся... К тому же в эту вероятность никто не верил. Только одни существа во всей известной Вселенной способны были работать в условиях таких диких перегрузок. И их пилоты никогда не совершали ошибок...

Северо Серебряный Луч зло скривился. Рейдер только что завершил вертикальный маневр и сбросил боевой десантный модуль. В этот момент ощущаемая перегрузка скакнула за 140 единиц, что было уже ощутимо даже для Детей гнева. Впрочем... *Боль есть благо. Боль взбадривает кровь и готовит к бою. Боль дает возможность оценить свои силы и дух. Боль ломает слабого и ярит сильного. Боль...* Он не успел закончить. Любовый щиток с лязгом отстрелился, открыв сотням и тысячам напряженных глаз стремительно несущуюся навстречу поверхность, а в следующую секунду нижняя платформа модуля с грохотом врезалась в эту самую поверхность, заодно смяв конструкции платформы планетарной мортиры, ажурные на вид, а на самом деле рассчитанные на удар в две тысячи тонн отдачи. Но для боевого десантного модуля с массой покоя в двести десять тысяч тонн все это могучее великолепие было подобно бумажному журавлику. От удара привязные ремни

лопнули, и Северо выбросило из ячейки, чувствительно (так что даже согнулась грудная бронепластина) приложило о землю, но он успел сгруппироваться и, пролетев кубарем по земле около полутора сотен метров, как ни в чем не бывало вскочил на ноги, напряженно ощупывая окружающее пространство сенсорами и сузившимися глазами (которым доверял едва ли не больше, чем любым сенсорам). Над плечами с легким жужжанием электрогидравлических приводов поднялись раструбы лучевиков пехотного и противотанкового калибров (а для рукопашной Детям гнева достаточно было и того, чем их одарили прародители, когда закладывали в генокод необходимые изменения).

Стволы с легким щелчком встали на фиксаторы боевого положения. Серебряный Луч на мгновение скосил глаза на блок тестовых ламп. Все горели зеленым. Не слишком мягкое приземление никак не отразилось на боевой готовности лат и встроенного вооружения. Впрочем, боевые латы Детей гнева изначально рассчитывались под подобные «мягкие» посадки. Тут слева взвыл чей-то лучевик старшего калибра, и Северо резко развернулся в ту сторону. Ага, проснулись... Между грибообразными зданиями базы замаячили грузные горбатые туши тяжелых планетарных танков. Серебряный Луч хищно оскалился и отработанным за сотни тысяч тренировок и не один десяток боевых операций движением челюстей переключился на частоту своей звезды:

— Двадцать семь-одиннадцать — тяжелые танки. Атакуем!

В наушниках раздалась щелчка языком, означавшая, что командиры пятерок приняли приказ к исполнению, и все кругом наполнилось треском — это десятки закованных в броню фигур напрямую ломались через жесткий, колючий кустарник. Северо бросил быстрый взгляд в сторону вздыбившегося десантного модуля — сквозь разделявшую его и модуль полосу кустарника пролегали сотни прямых как стрела просек. Серебряный Луч хмыкнул: что ж, сегодня посадка получилась несколько жестче, чем обычно, но его ребятам это совершенно не помешало — и, небрежным движением когтя срубив торчавший перед ним прочный, как закаленная сталь, ствол колючего куста (обхватом почти пять сантиметров), бросился догонять остальных...

— Да скорее же! Что вы копаетесь?!

Самец Доверенное лицо испуганно втянул голову в плечи и замер, остановив ввод кода. Нависавший над ним могучий Низший еще сильнее оскалил клыки и зашипел:

— Это что, саботаж?

Самец мелко-мелко затрясся, совершенно потеряв голову (впрочем, место, где находился его мозг, очень сложно было назвать головой), и тут сзади раздался мягкий голос еще одного существа, втиснувшегося в эту каморку:

— Успокойтесь, воинс, вы пугаете этогосс Полезногос, и от этогосс мы только теряемсс времясс. Так что я могусс расценить каксс саботаж *ваши* действиясс.

Низший сразу же поник и сжался, а голос продолжал:

— Продолжайтесс, Полезный, у насс не так многоссс времени. Дикиессс ни в коемссс случае не должныссс получить келемитссс.

Низший нервно облизнул губы и поудобнее перехватил увесистый блок фазовой мины. Этот Приближенный был из расы змееподов, а про них на базе ходили странные и неприятные слухи, например, что Властелинам так и не удалось вытравить у их расы агрессивные склонности или что у них так и не были удалены железы, вырабатывающие яд, поскольку это слишком пагубно отражалось на их физиологии. Так что раздражать этого Приближенного не следовало.

Его товарищи сейчас гибли наверху. Это была самая мощная военная база на планете. И она еще держалась. С остальными семнадцатью военными базами связь была уже потеряна, и это означало, что базы захвачены, а их гарнизоны уничтожены. Девятнадцать военных баз: почти двенадцать тысяч тяжелых танков, более сорока тысяч орудий, семьсот тысяч бойцов, техников, операторов-аналитиков... Низшие, Полезные, Приближенные — все мертвы. И это всего через семнадцать минут после начала атаки. О Властелины, будьте вы прокляты за то, что создали этих чудовищ!

Над головой что-то гроыхнуло, стены каморки вздрогнули. Полезный снова сжался и застыл в оцепенении. Низший презрительно скривился, но тут же и сам опасно покосился на броневую плиту, перекрывающую доступ в предвратную пультовую Хранилища. Неужели... нет, это невозможно. База располагалась на поверхности и на первых ста метрах подземных горизонтов, расположенных над Хранилищем. И была напичкана всеми последними разработками в области обороны, причем во многом с учетом противостояния атаке именно этих жутких тварей. Вообще вся эта планета была обустроена как огромная ловушка. Эти твари были чрезвычайно опасным фактором, оказывающим самое негативное влияние на все планы Властелинов. И единственным способом устранить это влияние было полное уничтожение этих тварей. Что и было целью этой операции.

Операция была тщательно и аккуратно подготовлена. Численность гарнизонов, уровень и оснащение военных баз были детально продуманы. Эскадры боевых кораблей были отведены на такое расстояние, чтобы их никак не могли обнаружить, и укрыты полями отражения. А сведения о содержащихся здесь запасах келемита умело внедрены в информационную сеть Диких. Да и запасы келемита в Хранилище были собраны немалые. Это было необходимо. Келемит был слишком специфическим элементом, его влияние на различные виды излучений невозможно было никак экранировать, так что в Хранилище действительно было очень много келемита. Дикие никак не могли оставить без внимания такой лакомый кусок. Но предусматривалось, что, как только они начнут атаку, их ударные силы завязнут в глубоко эшелонированной планетарной обороне, подставятся под удар подтянувшихся к планете боевых кораблей и попадут в страшную мясорубку...

Однако мудрость Властелинов была столь велика, что они предусмотрели даже такой, практически невероятный, вариант, когда этих тварей все-таки не удалось уничтожить сразу. Однако предусматривалось, что, даже если все тщательно разработанные планы провалятся, если Диким удастся-таки захватить планету и отразить атаку флота, это все равно ничего им не даст. По самым пессимистическим расчетам, стодвадцатипятидесятитысячный гарнизон основной базы и ее система инженерной защиты должны были задержать сколь угодно мощные силы Диких как минимум на пятьдесят пять минут. За это время фазовый заряд успеет превратить десятки тонн келемита, привезенного с тысяч рудников, из нескольких десятков звездных систем этого сектора, в никому не нужную свинцовую пыль. Так что даже при самом неудачном развитии ситуации подобный провал должен был навсегда отбить у Диких охоту атаковать хорошо защищенные Хранилища. Ну, может быть, не этот, а следующий или еще один, но когда-нибудь череда провалов должна была заставить Диких отказаться от бесполезных атак, заодно изрядно уменьшив их численность.

Словом, ловушка была хорошо подготовлена, и Дикие никак не могли не клюнуть. Вот только по этим, очень правильным и тщательным, расчетам, остальные базы должны были продержаться никак не менее получаса...

Стенки опять вздрогнули. Но, слава богу, Полезный уже закончил вводить код и вставил

ключ. Поэтому, когда после очередного удара он вновь скукожился, Приближенный просто протянул одну из своих псевдоподий и повернул ключ. Толстая, восьмиметровая броневая дверь начала медленно разворачиваться на своих чудовищных цапфах, открывая проход в Хранилище. Приближенный повернулся к Низшему, собираясь отдать ему приказ активировать фазовую мину, не дожидаясь, пока щель станет достаточно широкой для того, чтобы можно было пропихнуть заряд внутрь Хранилища (его и самого беспокоили эти мощные повторяющиеся взрывы), но именно в этот момент направленный взрыв сосредоточенного заряда расколол броневую плиту, перекрывавшую вход в пультовую, и ее раскаленные осколки обрушились на троих обитателей камеры, навсегда погребя их под своими обломками. А спустя полминуты, когда улеглась поднятая взрывом пыль, в пролом просунулась голова в боевом шлеме, украшенном драконьим гребнем.

Северо окинул взглядом изуродованные внутренности предвратной пультовой, все еще продолжавшую подниматься огромную бронедверь, довольно фыркнул, гибким движением поднырнул под чудовищную плиту и, броском преодолев восьмиметровый ступенчатый коридор, притормозил у огромного комингса и заглянул в Хранилище. Вот это да-а-а. Знатная добыча! Он радостно оскалился. Похоже, все прошло удачно. Серебряный Луч довольно качнул головой и движением челюстей переключился на канал командного пункта.

— Капитан Северо Серебряный Луч — полковнику Ориану Злая Звезда.

— На связи.

Хриплый голос полковника Ориана отозвался в наушниках сразу же. Похоже, полковник ждал доклада в надетой гарнитуре.

— Я в Хранилище. Келемит наш.

— Отлично, капитан. Наш народ радуется вместе с тобой. Установите периметр. Я подгоняю транспорты под загрузку. Отбой.

Серебряный Луч удовлетворенно кивнул и окинул хозяйским взглядом теряющиеся в темноте аккуратные штабеля келемитовых блоков. Да уж, тут есть чему радоваться. Когда Алые князья создавали расу Детей гнева, они позаботились о том, чтобы посадить свои создания на короткий поводок. Все Дети гнева были одного, мужского, пола и с чрезвычайно коротким жизненным циклом. По всем расчетам выходило, что для окончательной победы над человечеством Алым князьям с их созданиями потребуется не более тридцати лет, после чего столь совершенные бойцы могли стать опасными и для своих создателей. Впрочем, на случай, если бы все пошло не так, Алые князья оставили некую лазейку. Маленькую и страшно дорогую. Чтобы жить дольше отведенного времени, Детям гнева необходим был келемит — самый редкий и дорогой элемент в известной Вселенной. Его требовалось немного, около одной тысячной грамма на особь. Но ежедневно. Тогда процессы старения замедлялись настолько, что срок жизни отдельной особи увеличивался почти до обычных человеческих двухсот — двухсот пятидесяти лет. Ну кто мог позволить этим уродцам пожирать чудовищно дорогой келемит, кроме самих Властелинов? Никто. Это было абсолютно ясно. И поэтому они взяли его сами.

Часть I
Мятеж

— Итак, на этом и остановимся! Четыре миллиона с Рангуйака, два с Темпелонуса, и еще семьсот сорок тысяч специалистов выделит Императорский Эмперойнский инженерный корпус. — Тэра сжала кулачок, обтянутый бежевой перчаткой из тончайшей лайки, и слегка отставленным пальцем ударила по серебряному гонгу. Под сводами палаты раздался мелодичный звон. Пэры зашевелились и начали подниматься со своих мест. В этот момент опять подкатило... Тэра стиснула зубы и замерла на троне, моля святую Еву дать ей силы удержаться. Пэры покидали палату неторопливо, исподтишка бросая на Тэру косые взгляды, но королева молча сидела на троне, гордо вскинув подбородок. Наконец последние пэры покинули палату. Тэра облегченно расслабила мышцы спины и совсем уже было собралась встать, но тут ее скрутило так, что верная Умарка едва успела подскочить и подставить пакет. Тэра качнулась вперед и, не в силах больше сдерживаться, склонилась над мешком, извергнув в него содержимое своего почти пустого желудка (сегодня утром, зная, что ей предстоит председательствовать на заседании палаты пэров, она даже не позавтракала). Стоявшая вокруг трона охрана молча наблюдала, как королева, судорожно давясь, извергает из себя остатки пары хлебцев и стакана апельсинового сока. Наконец желудок Тэры и сам утомился от совершенно невозможного самоистязания, и она, обессилев, откинулась на спинку, утирая рукой рот:

— Ой, мамочка...

— Ну что уставились? — раздался слева голос Сандры. — Не видите, королеве нездоровится? Быстро паланкин. Быстро!

Умарка взмахнула рукой, но ее движение уже запоздало. Две стражницы, стоявшие у самых дверей, торопливо высунулись наружу и зычно проорали в унисон:

— Паланкин королевы в палату!

Спустя мгновение в палату рысью влетели шестеро дюжих носильщиц и, пробежав по ковровой дорожке, резко затормозили у самого трона. Умарка склонилась в почтительном поклоне и торопливо протянула руку. Тэра поднялась, вымученно улыбнулась Сандре и, опираясь на твердую руку верной Умарки, тяжело опустилась в паланкин. Похоже, сегодняшнее тяжелое утро наконец-то закончилось...

Сандра появилась в ее покоях уже под вечер. Отворив по своему обыкновению пинком дверь спальни Тэры, она ввалилась внутрь, мгновение постояла, обводя комнату хмурым взглядом, затем молча подошла и присела на край кровати. Тэра отшвырнула продолговатое зеркальце, в котором изучала свою осунувшуюся физиономию, и недовольно поморщилась. Сандра посмотрела на нее исподлобья, тяжело вздохнула и неожиданно ласковым голосом спросила:

— Как ты, девочка?

— А то ты не видишь, — ворчливо отозвалась Тэра, — блюю, дикая изжога, и вся рожа в пигментных пятнах. — Она как-то тоскливо, со всхлипом вздохнула и горестно пробормотала: — Никогда не думала, что это будет так... тяжело.

Сандра понимающе кивнула. Они помолчали.

— А что говорит профессор Антема?

Тэра скривилась:

— Антема не обещает ничего хорошего. Знаешь, у меня такое впечатление, что она специально ничего не делает, потому что считает лучшим выходом аборт.

Они снова помолчали. Сандра, не поворачиваясь, протянула руку и тихонько погладила измученную Тэру по голове:

— А может, и вправду...

Тэра дернулась и, непроизвольным жестом прикрыв ладонями живот, уперла глаза в Сандру:

— Да как ты смеешь!

В ее глазах пылал такой гнев, что Сандра торопливо вскинула руки, бормоча:

— Ладно-ладно, перестань, я просто... ну... рассматриваю разные варианты. Ты же не будешь отрицать, что мы стоим на пороге серьезного династического кризиса. Ладно еще если родится мальчик, а если девочка...

Но Тэру было не так-то легко успокоить.

— Я тебе уже тысячу раз говорила: он — погиб, и этот ребенок... его ребенок, моя единственная память о том, что это было!

Сандра поморщилась:

— Ну я же сказала — все. И перестань на меня кричать. В конце концов, кто из нас вляпался в это дерьмо, ты или я? Подумать только — первый ребенок королевы, наследник и... внебрачный! И вот когда я ломаю свою глупую башку, что делать и как хоть что-то поправить, ношусь как угорелая, стараясь каким-то боком прикрывать твою соблазнительную задницу, ты еще позволяешь себе на меня орать. В конце концов, я тебя предупреждала — прежде чем бросаться очертя голову во все эти приключения, надо было вступить в династический брак. И если бы ты меня послушала, то нам сегодня было бы гораздо проще справиться со всей этой ситуацией...

С этим поспорить было сложно, поэтому Тэра лишь мрачно посмотрела на свою родную тетку и наставницу и молча отвернулась. В спальне несколько минут царил напряженная тишина, потом Тэра вдруг приподняла голову от подушки и, не поворачиваясь к Сандре, тихо, так что та с трудом ее слышала, произнесла:

— Как ты не понимаешь, я должна родить этого ребенка. Чего бы мне это ни стоило...

Сандра протянула руку и осторожно коснулась пальцами обнаженного плеча королевы:

— Ты это *знаешь?*..

Лишь очень немногим Приближенным было известно, что иногда на юную королеву находило что-то вроде озарения, когда она совершенно точно *знала*, как следует поступить. Жаль только, эти моменты озарения приходили и уходили совершенно независимо от ее воли... Да и вообще, некоторые из так называемых озарений королевы были, на взгляд Сандры, не чем иным, как простым упрямством. Тэра дернула плечом, перекатилась на спину и, подтянув ноги, села на кровати:

— Да... и очень этого боюсь.

Сандра несколько мгновений молча вглядывалась в осунувшееся лицо королевы. Ну еще бы. Никто лучше ее не знал, как тяжело приходилось этой девочке последние пару месяцев. И дело тут было совсем не в том, что королевство вновь стало активно заселять систему Форпоста...

— Почему? — тихо спросила она.

Тэра зябко охватила себя за плечи, бросила на Сандру все еще сердитый взгляд, вдруг ее красивое, но совершенно серое от усталости лицо сморщилось, словно она собиралась

заплакать, и она еле слышно прошептала:

— Мне кажется, она меня убьет.

Сандра облегченно улыбнулась:

— Не бойся, девочка моя, мы все этого боимся. Особенно когда беременность протекает так тяжело, как у тебя...

Тэра сердито зыркнула на нее исподлобья.

— Тебе-то откуда это знать... — пробурчала она.

Сандра на миг замерла, затем, не говоря ни слова, резко встала и, развернувшись на каблуках, двинулась к выходу из спальни. Тэра проводила ее удивленным взглядом. У самого порога Сандра приостановилась, вполоборота повернула голову, шевеля губами, словно собиралась что-то сказать, но тут же резко вскинула подбородок и... выломилась из комнаты, будто бы даже и не заметив, что перед ней закрытая дверь. Тэра, ошеломленная, с минуту смотрела на распахнутую настежь дверь, качая головой.

— Так вот какие скелеты водятся в ее шкафу... — пробормотала она себе под нос и, уже громче, с тоской проговорила: — О господи, какими же сволочами нас, баб, делает токсикоз!

На следующее утро она проснулась неожиданно легко — без рвоты и даже без тошноты, со свежей головой и... странной улыбкой на лице. Наверное, ей приснился какой-то хороший сон, но она его совершенно не помнила. Некоторое время она просто лежала в постели, наслаждаясь давно забытыми ощущениями здоровья и комфорта, хотя где-то внутри ворочался злобный червячок, шепчущий, что все это ненадолго, что все мучения скоро вернутся, может быть прямо сейчас, стоит ей встать или даже хотя бы пошевелиться... Но думать об этом совершенно не хотелось. Тэра лежала и, глупо улыбаясь, смотрела в потолок. В этот момент маленький комочек, медленно растущий в ее животе, вдруг пробудился и мягко пихнул ее изнутри своей крошечной ножкой. И это движение вдруг будто спустило крючок — Тэра почувствовала, как на нее вновь накатывает тошнота. Она перевернулась на бок и свесилась над стоявшей рядом изящной «рвотницей» на высокой ножке, которая этой ночью, по какой-то странной причине, впервые осталась пустой. Но тут ножка пихнулась еще раз, и... все внезапно прошло. Тэра замерла и еще несколько мгновений нависала над «рвотницей», не веря, что тошнота больше не вернется, а затем медленно откинулась на спину, прислушиваясь к ощущениям. Что-то родилось... в ней шевелилось что-то живое, а не просто набор аминокислот или комок бешено делящихся клеток. И это живое, проснувшись, уже испытывало к ней тягу и любовь. Пусть пока неосознанно, инстинктивно, но это ничего не меняло. Это существо любило ее... Тэра почувствовала, как на ее глаза навернулись слезы. Значит, все эти месяцы отчаянной борьбы со своим организмом были не зря. Значит, она выстояла и самое страшное позади. И у нее будет дочь! Тэра всегда точно знала, что будет именно дочь, хотя до сих пор не прошла никаких обследований. Да и вообще, беременность королевы все еще не была признана официально. Видимо, Сандра пока не потеряла надежду уговорить ее согласиться на аборт или хотя бы на династический брак. Второе представляло определенные трудности, потому как, что греха таить, семейств, готовых, ради того чтобы приблизиться к трону, прикрыть своим именем грех королевы, было не так уж и много.

Когда двери спальни наконец-то распахнулись и в комнату, как обычно, не вошла, а ворвалась ее неугомонная тетка, Тэра лежала на спине, уставившись в потолок, и глупо улыбалась сквозь слезы. Это было так странно, так разительно отличалось от того, что Сандра наблюдала все предыдущие четыре с лишним месяца, что полный адмирал и пэр королевства, уже давно не занимающая никаких постов в королевстве, но по-прежнему

являющаяся самым влиятельным вельможей, резко затормозила у балдахина и несколько мгновений с недоумением рассматривала лежащую на кровати королеву. А затем осторожно примостилась на уголок кровати и, протянув руку, потрогала ее лоб:

— Что случилось, маленькая моя?

Тэра повернула к ней мокрое от слез лицо и, растянув губы в счастливой улыбке, тихо произнесла:

— Она проснулась, Сандра, и она... меня любит.

В поведении Сандры не было ни малейшего намека на то, что вчерашние слова племянницы ее задели, и, когда она заговорила, голос ее звучал совершенно так же, как и раньше.

— Так вот оно в чем дело. Ребенок зашевелился. — Сандра покачала головой. — Милая моя, все это чепуха. Все мы, бабы, любим сочинять истории про свое пузо. Понапридумываем себе всякой ерунды, мол, то, что растет у нас в пузе, уже способно если и не думать, то уж чувствовать точно. А на самом деле все это чепуха. Пока у тебя внутри всего лишь безмозглая ящерка, которой обязательно нужно совершать рефлексорные движения, чтобы стимулировать развитие мышц.

Тэра посмотрела на тетку жалостливым взглядом, но промолчала. Вчера ей было так плохо, что она с чисто детской непосредственностью отводила душу на каждом, кто оказывался рядом, словно надеялась найти облегчение, заставив окружающих страдать вместе с ней. Сегодня же все переменилось. Сегодня ей хотелось, чтобы всем вокруг было так же... радостно, как и ей.

— Сандра, прости меня за...

— Проехали, девочка.

В голосе сквозила резкость, ясно показывавшая, что больше затрагивать эту тему не следует ни при каких обстоятельствах. Поэтому Тэра тут же перескочила на другую:

— Кстати, который час?

Сандра машинально вскинула запястье к глазам, но, не закончив движения, подозрительно посмотрела на Тэру.

— Я хочу покататься на лошади.

Тетка фыркнула:

— Вот еще, да ты посмотри на себя, чудо мое сине-зеленое. Последний раз ты садились на коня четыре месяца назад, за два месяца ты покидала свои покои только девять раз, да и то в паланкине.

Тэра усмехнулась.

— Клянусь Евой, тебе пришлось немало поломать голову, придумывая, с чего это королева, слывущая большой любительницей конных прогулок, так долго пренебрегает возможностью покататься на Лэрос, и... — тут она бросила на Сандру насмешливый взгляд, — твои слушательницы наверняка попортили тебе немало крови, в открытую насмехаясь над твоими неуклюжими отговорками.

Сандра удивленно посмотрела на Тэру и покачала головой.

— Да-а-а, похоже, тебе и впрямь стало лучше, девочка моя, но это еще не повод взгромоздиться в седло. Тебе лучше отдохнуть и набраться сил, пока... — Тут она оборвала речь, но Тэра и так поняла, что она хотела сказать. «Пока у тебя не началось по новой». Тэра фыркнула про себя. Ну почему Сандра не верит, что все закончилось? Навсегда. Ее солнышко... ее доченька больше не допустит, чтобы маме было плохо... Впрочем, у Тэры был

способ убедить Сандру разрешить ей впервые за столько месяцев оседлать Лэрос.

— Эй, госпожа пэр, а вам не кажется, что это хороший повод заткнуть кое-кому рот? Ты забыла? Сегодня среда, королевский конный пикник, самое большое сборище светских сплетников королевства, которое вот уже два месяца как проходит без королевы.

Сандра задумалась. В словах племянницы был свой резон. К тому же Тэра уж очень рвется оседлать свою любимую кобылицу, а ведь, несмотря на отчаянную смелость, про нее никак не скажешь, что она обделена умом. Значит, она чувствует в себе достаточно сил, чтобы управиться с лошадьёю и... не подвергать опасности еще не родившегося ребенка.

— Ну хорошо, девочка моя, будем считать, что ты знаешь, что делаешь. Я сейчас позову камердинера и передам Умарке, чтобы приказала седлать Лэрос.

С этими словами Сандра, потрепав племянницу по щеке, развернулась и пошла к двери, изо всех сил стараясь не выдать себя. Дело в том, что в голове у нее поселилась одна мыслишка, как раз и заставившая ее так легко согласиться на эту авантюру, мыслишка гнусная, подленькая, но... Как бы все упростилось, если бы Тэра не справилась со своей своенравной Лэрос и... короче, если бы все окончилось выкидышем... несмотря на все ее озарения.

— ...Ну как ты не понимаешь, мама! Это же... нонсенс, дремучее средневековье какое-то! Даже вонючие мужики и те уже давно отказались от такого анахронизма, как монархия. Неужели мы настолько тупее их, что до сих пор не можем этого сделать?

Элирилл Антема, профессор военно-медицинской академии, личный врач королевы, внимательно посмотрела на разгоряченное личико своей старшей (и любимой) дочурки, затянутой в щеголь-ской парадный мундир гардемарина флота Ее Величества, и с сомнением покачала головой:

— Ну, ты не совсем права, насколько мне известно, в том мире осталось еще достаточно...

— Ай мама! — Юная Лоис Антема всплеснула руками. — Все это чепуха! У них монархия — это или просто дань традиции, необременительная и ничего не решающая, что-то вроде украшения, от которого жизнь страны ни капельки не зависит, или атрибут самых отсталых и бедных государств. А вот у нас... — И она драматически закатила глаза.

Профессор наморщила лоб и задумчиво покачала головой:

— Милая, не надо так горячиться, это портит цвет лица...

— Ай мама, ну как ты можешь! Я говорю тебе про серьезные вещи, а ты... — От обиды на глаза гардемарина Антемы навернулись слезы, но она лишь судорожно сглотнула и взяла себя в руки. Перед ней стоит такая важная задача, а она как ребенок...

— Мама, — заговорила она уже спокойнее, — ты пойми, только республика может обеспечить гармоничное развитие личности, участие каждого в управлении государством, развитие страны. Республиканская демократия тут же порождает в людях гражданскую ответственность, стремление к совершенству, заставляет становиться лучше и лучше...

Профессор нахмурилась:

— По-моему, девочка моя, ты идеализируешь... людей. Люди, при монархии ли, при республике ли, да и вообще независимо от формы государственности, разные, во все времена. Кто-то, кто действительно хочет совершенствоваться, добиться успеха в жизни, благосостояния, прекрасно делает это и сейчас. Такие люди получают образование, активно и упорно трудятся. И становятся достойными гражданами королевства. А те, кто не хочет или не может, просто ищут разные отговорки...

— Мама, ты не понимаешь!! Как они могут чувствовать себя достойными гражданами королевства, если все самые высшие посты заняты одним сословием — дворянством?

Элирилл покачала головой:

— Но это не так, милая моя, каждый, кто проявит достаточно упорства и таланта, может подняться высоко. Вот, например, Элмирилла, капитан твоего корабля...

— Перестань, мама! — Лоис зажала ладонями уши. — Как ты не понимаешь, пример капитана Элмириллы всего лишь исключение, которое только подтверждает правило! Во всем флоте таких капитанов только двенадцать человек — все остальные дворяне!

— Но, доченька, разве это плохо — быть дворянином? Ведь и ты сама...

— Да! — Юная Антема вздернула подбородок, глядя пылающими глазами на мать. — Вот мы-то, дворяне, и душим народ. Мы считаем себя выше других, элитой, а между прочим — совершенно напрасно. Мы не имеем для этого никаких оснований.

— Почему это?

— Да потому, что наше превосходство, если оно и есть, объясняется всего лишь более легким доступом к хорошему образованию, родственными связями и родовым состоянием. Стоит только все это у нас отнять, и мы ничем не будем отличаться от остальных сословий.

Профессор Антема покачала головой:

— По-моему, ты не совсем права, доченька. Во-первых, я не вижу особых препятствий ко всему вышеперечисленному ни у одного иного сословия, кроме, разве что, родовых состояний. Что касается доступа к хорошему образованию, то тут уж, извини, нет совершенно никакой дискриминации — либо плати и учись, либо докажи свой талант, завоюй право на королевскую стипендию и учись бесплатно. А по поводу родовых состояний... насколько мне известно, среди первой десятки самых богатых семейств королевства уже лет пятьдесят нет ни одной дворянской... Естественно, за исключением королевской, но у монархов богатство, скажем так, особого рода. И я бы не сказала, что в торговом сословии, или среди финансистов, или у промышленников родовые связи играли бы менее важную роль. К тому же представитель любого сословия, неустанно трудясь на благо королевства, может заслужить право на дворянство.

— Личное, мама, только личное!

— Да, но если три поколения одной семьи получают личное дворянство, то оно становится потомственным.

— Вот видишь, мама, три поколения! А я, например, получила дворянство просто по праву рождения. Разве это справедливо?

Профессор усмехнулась:

— За тебя поработали наши предки, дорогая. К тому же если взять наш пример, то среди обитателей нашего квартала только две дворянские семьи, и, согласишься, с точки зрения родственных связей и родового состояния именно они выглядят самыми обделенными.

— Да, но зато я получу офицерский чин раньше, чем Лир Авенлин. Хотя она заслуживает этого ничуть не меньше меня.

— Ты права, доченька, но ведь даже тебе не дадут его просто так, за одно лишь происхождение. Ведь тебе пришлось немало потрудиться для этого?

Тут Лоис слегка смутилась, но лишь на мгновение, а затем вновь задорно вскинула подбородок:

— Ну и что? Лир трудилась не меньше меня. Разве ей не будет обидно?

— А что, десятки поколений твоих предков, преданно служивших трону и народу и не жалевших головы во славу отечества, уже ничего не стоят?

— Но у Лир тоже могли бы быть десятки поколений. Разве она виновата в том, что ее прабабка родилась в семье мукомолов?

Профессор пожала плечами:

— На свете не может быть одинаковых людей и одинаковых судеб. К тому же, насколько я знаю, бабка Лир — Эримиция Авенлин на днях получит личное дворянство, да и ее матери до этого недалеко. Так что теперь все зависит от Лир. Вполне возможно, что ее потомки тоже будут получать офицерский чин быстрее, чем кто-то из однокашников... — Профессор примиряюще улыбнулась. Но Лоис смерила ее уничтожающим взглядом и фыркнула, как рассерженная кошка.

— Ты такая же, как все! Ты ни-че-го не понимаешь! — Девушка круто повернулась и, кипя возмущением, вылетела вон из кабинета. Спустя несколько мгновений громко хлопнула входная дверь, и все стихло. Профессор тяжело вздохнула. Может быть, она не права, может,

стоило хотя бы для вида согласиться с доводами девочки. Ведь юные всегда такие категоричные и непримиримые... С другой стороны, она ясно осознавала, что стоит дать хоть малейшую слабину, и ее любимая, но ах какая своенравная доченька тут же сядет матери на шею и начнет вертеть ею, как хочет. А у нее не хватит сил отказать. И этот путь может завести обеих очень далеко...

Все началось полтора года назад.

Большую часть из своих восемнадцати лет Лоис была практически образцовой дочерью. До десяти лет она свято верила, что подарки на Новый год приносит Святая Мать Мария, спускающаяся по каминной трубе на суровой нитке, воткнув в крышу штопальную иголку, пока ее ездые кошки топчутся на заснеженной крыше. В десять лет она поступила на подготовительное отделение штурманского училища флота Ее Величества и в первый же день пришла зареванная. Оказалось, девочки из ее группы высмеяли ее за то, что она до сих пор верит в Святую.

В тринадцать она сорвалась с брусьев и сломала себе два ребра, но никому об этом не сказала и еще неделю ходила в училище, стойчески терпя боль весь день и плача ночами. И только в воскресенье, когда дочь отказалась идти на каток, Элирилл заподозрила неладное. Так что ночь на понедельник Лоис пришлось провести в регенерационной камере во дворце... Это было ее первое посещение дворца, и девочка вернулась оттуда совершенно потрясенная. Следующие три года не было у молодой королевы более преданной сторонницы, чем юная Лоис Антема. А затем королева отправилась в свой вояж на Окраины (то есть это они так думали, что на Окраины), и... все рухнуло.

Элирилл тяжело вздохнула. Ладно, надо вставать и приниматься за домашние дела. Она сегодня взяла выходной. У младшей вечером школьный спектакль, они ставят какую-то костюмированную героико-патриотическую дребедень из времен Сюзанны IV, и она обещала Тамаре помочь ей с костюмом. Да и постирушки набралось достаточно. С тех пор как умер супруг, все домашние заботы свалились на шею профессора. Хотя, стоит признаться, пока Лоис не увязла во всех этих новомодных веяниях, она неплохо ей помогала по дому. И чего этой молодежи так нейдет? Впрочем, когда-то и они были такими же. Правда, тогда юной Элирилл, только-только окончившей медицинское училище флота, мечталось о подвигах во имя короны или каком-нибудь глобальном медицинском открытии, а нынче молодым хочется вообще переделать мир...

Тут ее воспоминания о прошлом были прерваны самым бесцеремонным образом. Из кабинета раздался тон-гудок аппарата правительственной связи, и профессор, нахмурившись, торопливо проследовала в кабинет.

Когда вспыхнул стационарный экран правительственной связи, у Элирилл засосало под ложечкой. Похоже, ее выходной накрылся медным тазом. С экрана на нее смотрела сама адмирал Сандра:

— Профессор, у нас проблемы. Не могли бы вы срочно прибыть во дворец?

Элирилл тяжело вздохнула (ну что за день сегодня!) и кротко кивнула:

— Да, конечно, адмирал.

— Прекрасно, дисколет за вами я уже выслала. Он будет с минуты на минуту.

— А... — Профессор открыла рот, чтобы спросить, что случилось, но адмирал резко оборвала ее:

— Подробности по приезду. Жду, — и сразу же отключилась...

Через полчаса профессор Антема неловко перевалилась через борт дисколета и поставила ноги на вымощенную мрамором площадку перед парадной ротондой главного дворца. Судя по тому что они сели не на посадочной площадке и даже не на плацу, дела действительно обстояли не очень. Впрочем, иначе и быть не могло, со всем ординарным вполне мог бы справиться и дежурный врач. Тем более что персонал у нее в медицинском центре был вполне квалифицированный. Хотя в обыденной жизни Антема была излишне мягкой и доверчивой, почти классическим вариантом рассеянного профессора, все знали, что, как только дело доходит до профессиональных обязанностей, эта добрая и покладистая женщина становится сущей мегерой.

Адмирал встретила ее у лестницы. Причем не одна, а с Кетерспилом. Он сегодня был дежурным врачом. Элирилл поморщилась. Кетерспил был вполне квалифицированным урологом, но во всем остальном звезд с неба не хватал, и она держала его в центре в основном из-за его педантичности и старательности, да и все равно нужен же был хоть один специалист-мужчина — для обслуживания мужской части персонала, если вдруг случалось что-то экстраординарное и неотложное. Ну а любой ответственности Кетерспил боялся как огня. Вот и сейчас он буквально исходил потом, от чего адмирал невольно поморщилась...

— Идемте со мной, профессор, ваша пациентка уже в медицинском центре.

Пока они шли по коридору, профессор, чуть приотстав, тихо спросила у Кетерспиля:

— Что случилось?

У Кетерспиля тут же задрожали руки. Антема нахмурилась, на ее скулах заиграли желваки. Это как будто привело мужчину в чувство, но все равно, когда он начал говорить, его голос дрожал и пресекался:

— Королева... она с утра почувствовала себя лучше... и... она поехала на конную прогулку... а там... ее лошадь понесла...

Его путанные объяснения прервала адмирал, которая, не оборачиваясь, строго бросила:

— Мне кажется, профессора больше интересует характер травм, а не обстоятельства, при которых они получены.

Вот так говорить с Кетерспилом не стоило. Он тут же запнулся, покраснел и принялся потеть так, что с его лба начали скатываться крупные и крайне вонючие капли. А из подмышек несло так, будто они шли мимо лошадиных стойл. Элирилл с трудом одолела соблазн зажать нос:

— Ладно, Кетерспил, успокойтесь и, действительно, дайте-ка полный анамнез.

— Ну-у-у, томографию я не делал...

— Как это? — изумилась профессор, но, заметив, что Кетерспила опять затрясло, тут же смягчилась и дружески сжала его локоть. — Впрочем, понятно, она сама не захотела.

Кетерспил облегченно закивал:

— Да-да... но, судя по осмотру, перелом шейки бедра и сильный ушиб груди.

— А-а... плод?

Кетерспил судорожно мотнул головой:

— Она не разрешила! Сказала, что с плодом все в порядке.

— В порядке?!

Кетерспил снова затрясся и мелко-мелко закивал:

— Ну-у-у, я не знаю, но сердцебиение плода в норме, и никаких выделений из гениталий не зафиксировано...

Элирилл нахмурилась. Если все это правда, то это что-то невероятное. Судя по

характеру повреждений, удар был достаточно силен, чтобы дело закончилось выкидышем, да еще таким, что пришлось бы поволноваться и за жизнь матери... Но они уже подошли к дверям медицинского центра, и профессор выкинула все сомнения из головы...

Через четыре часа профессор вышла из дворца, зябко кутаясь в пальто, и, бросив взгляд на часы, тяжело вздохнула. Спектакль у младшенькой уже подходил к концу, а она так и не удосужилась разобраться с костюмом... Элирилл вздохнула: боже, какая чепуха лезет в голову! Профессор передернула плечами. До стоянки дежурных орнитоптеров было еще шагов двести по липовой аллее, но она нарочно отказалась от предложения адмирала отвезти ее на дисколете прямо из медицинского центра, чтобы пройтись и привести мысли в порядок...

То, что она сегодня увидела, было попросту невозможно. Когда ей удалось-таки (с помощью адмирала и родной тетки королевы) заставить свою высокопоставленную пациентку пройти обследование на томографе, то первые же полученные результаты поставили ее в тупик. Судя по тому что томограф действительно показал перелом шейки бедра, удар действительно был достаточно силен, но вот с грудью все было почти в порядке. То есть следы ушиба наличествовали, но цветное картограммирование почему-то показывало как минимум трехдневный срок заживления. Что же касается других повреждений, то они отсутствовали напрочь. А самым удивительным было состояние плода. Оно было... идеальным. Более того, цветовая картина распределения повреждений отличалась совершенно необычной динамикой. Наверное, если бы не сегодняшнее падение, эта необычность была бы не столь заметна и профессор не обратила бы на нее внимания, но сейчас... При цветном картограммировании томограф не выдает точного и конкретного характера повреждений каждого конкретного органа или группы тканей, он показывает полную картину состояния организма, зеленым цветом обозначая ткани и органы, практически не имеющие повреждений, а черно-фиолетовым — уже отмершие ткани и органы, естественная регенерация которых невозможна. Весь остальной спектр показывает, насколько сильно поврежден тот или иной орган. Так вот, цветовая картограмма организма королевы давала четкую концентрическую (с поправкой на разную восприимчивость органов) картину, в которой матка сияла ярким зеленым цветом, а от нее во все стороны шло спектральное смещение. Естественно, для неспециалиста картина была не слишком понятна, поскольку разные органы получают при воздействии разную степень повреждения, так что ни адмирал, ни Кетерспил (который, несомненно, был поражен практически идеальным состоянием матки) ничего не заметили. Но Элирилл все было понятно. То, что росло и развивалось в утробе их королевы, не могло быть обычным ребенком! И это означало, что у Элирилл не остается иного выхода, кроме как попробовать связаться с новыми друзьями Лоис...

В этот момент ее дочь, кусая губы, стояла навтыжку перед дородной, красномордой сержантом, которая, насупившись, в нарушение всех законов субординации сурово отчитывала гардемарина Антему. При этом сержант сидела на поскрипывающем под ее тяжестью табурете, держа в одной руке полуначищенный сапог, а другой рукой с зажатой в ней сапожной щеткой поводя перед носом гардемарина.

— ...Вам было поручено чрезвычайно важное задание, для выполнения которого у вас имелись все необходимые предпосылки. И что же мы видим? — Сержант состроила нарочито страдальческую мину и проямлила издевательским тоном: — «Мне не удалось

убедить ма-а-аму в нашей правоте». А если другие соратники будут так же относиться к порученной им работе?

Глаза Лоис наполнились слезами:

— Соратник Тиграна, я прошу дать мне любое другое задание! Я клянусь...

— Отставить! — привычным зычным голосом рявкнула сержант, сокрушенно вздохнула и отложила сапог. — Ну скажите мне, соратник Антема, к чему мы придем, если каждый соратник будет делать только то, что ему нравится, а не то, что требуется для нашей борьбы? — Она вновь подняла руку со щеткой и наставительно махнула ею перед носом Лоис. — Запомните, гардемарин, наша борьба только тогда сможет увенчаться успехом, когда каждый, ка-а-аждый будет старательно, не щадя своих сил, выполнять то, что от него требуется. Вам ясно?

Лоис, молча, глотая слезы, кивнула.

— То-то же. — Сержант чуть сбавила тон. — Так вот, это — ваше задание, и никто лучше вас не сможет его выполнить. Вы должны убедить мать принять предложение пообедать с герцогом Эсмеральдой. Тем более что это никоим образом никого не компрометирует. И как вы это сделаете, меня не волнует. Так что... забирайте свои сапоги и принимайтесь за дело. Родина надеется на вас. — С этими словами сержант сгребла пару начищенных парадных сапог, ткнула их в руки заревавшей гардемарину и, сурово сжав губы, наклонилась за следующей парой. Ей некогда было рассусоливать — приближалось время вечернего парадного развода, а ей предстояло начистить еще не меньше двух десятков пар.

Орнитоптер заложил крутой вираж, ясно показывающий, что за штурвалом этого красивого, верткого, но крайне своенравного аппарата находится настоящий профессионал, на мгновение завис над посадочной мишенью, отстрелил посадочные лапы и мягко опустился практически в центре белого круга. Герцог Эсмеральда, которая наблюдала за маневрами аппарата, приложив ладонь козырьком к глазам и щурясь от яркого закатного солнца, опустила руку и шагнула вперед, стягивая с правой кисти черную лайковую перчатку. Она вообще любила черный цвет. Бортовой люк орнитоптера распахнулся, и в следующее мгновение миру явила свой суровый лик адмирал Шанторин, старый рубака, герой битвы при Форпосте, за последние два месяца прочно утвердившаяся в массовом сознании жителей королевства как олицетворение настоящего военного. Адмирал была в повседневном мундире с орденскими колодками, над которыми тускло блестел единственный скромный орденский крест — знак кавалера Ордена святой Евы-заступницы первой степени (ну еще бы, за все время существования королевства этим орденом были награждены всего двадцать семь человек). Волосы адмирала с пикантной седой прядкой у левого виска были уложены в безупречную прическу, а левая рука висела, продетая в черную косынку, подвязанную на шею. Лицо Шанторин было мрачнее тучи, поэтому герцог, взглянув на нее, решила не рисковать и не протягивать руку, а просто приветствовала адмирала четким «кавалергардским» поклоном, не ответить на который не мог себе позволить не только ни один военный, но даже ни один дворянин. Впрочем, это не слишком-то спасло ситуацию, поскольку адмирал, ответив на приветствие, тут же досадливо сморщилась и раздраженно выдернула руку из своей черной косынки:

— Все, хватит, мне уже надоело ломать эту комедию!

Герцог Эсмеральда насмешливо вскинула тонкую, но четкую, будто прочерченную рейсфедером бровь и изогнула чувственные, хотя и немного тонковатые губы в насмешливой улыбке:

— Ну что вы, адмирал, не стоит так нервничать...

Адмирал насупилась еще сильнее:

— Ай, отстаньте! Ну кто поверит, что при современном уровне медицины за все те месяцы, что прошли после битвы при Форпосте, моя кость все еще не срослась?

Улыбка Эсмеральды еще больше стала напоминать насмешливую ухмылку.

— Адмирал, толпа не есть нечто разумное, повинующееся законам логики. Толпа — амеба, которая руководствуется инстинктами. А рука бравого адмирала, которая, единственная из всего нашего флота, не пошла на поводу у этих грязных мужиков и повела бой по своему разумению, от чего потери ее эскадры оказались существенно меньше потерь остальных эскадр, не мо-о-жет зажить так быстро. Просто потому, что адмиралу некогда валяться по госпиталям и реанимационным камерам, поскольку ей пришлось взвалить на свои плечи восстановление флота и... кое-что еще, чем, по идее, должна была бы заниматься так некстати «разболевшаяся» юная королева. — Кавычки в слове «разболевшаяся» прозвучали настолько явственно, что Шанторин внутренне поежилась. Да уж, у этой молодой особы язычок острый, как бритва, не приведи господь попасть ей на этот самый язычок. Значит, ни в коем случае нельзя дать ей почувствовать свой страх. Эти мысли молнией промелькнули в голове у адмирала, она старательно изобразила презрительную

усмешку и произнесла:

— Вы полагаете, что кто-то поверит в эту чушь?

— Уже, адмирал, уже верят, — сказала Эсмеральда. — За последний год королевство пережило слишком много потрясений. Представьте, каково это — узнать, что мы не пуп Вселенной и даже не лучшая и не большая часть человечества, а всего лишь... задворки. Отсталое захолустье с... ну, скажем так, с несколько оригинальным жизненным укладом, который почти у всех вызывает, в лучшем случае, снисходительное недоумение. Вековые устои, считавшиеся незыблемыми, рухнули, нравственные нормы, по которым жили наши бабки и матери, оказались ложными. Люди растеряны, потрясены, напуганы. Им нужно за что-то зацепиться, нужно что-то такое, чтобы они могли верить, что они все еще чего-то стоят, что они не полное дерьмо. Им нужен... герой. — Герцог прищурилась. — Конечно, если бы с королевой не приключилась эта ма-а-аленькая неприятность, то место героя было бы, причем заметьте — совершенно по праву, оккупировано нашей юной негодницей. Но, на наше счастье, в настоящий момент наша королева «больна», а герой нужен немедленно. А какой же герой без шрамов и увечий? — Улыбка, расплывшаяся по лицу герцога, вызывала в памяти Чеширского кота из самой любимой детской книжки королевства — «Алиса в стране чудес».

Шанторин нахмурилась. Последний месяц у нее все больше крепло ощущение, что эта юная сучка, герцог Эсмеральда, делает из нее полную дуру. И черт ее дернул тогда согласиться на весь этот фарс...

Все началось четыре месяца назад. Тогда люди еще только-только начали отходить от эйфории, в которую ввергла королевство победа в битве при Форпосте. Уцелевшие благородные доны вернулись на свою временную базу на Лузусе, там на скорую руку подлатались и, получив свои деньги, тихо покинули пределы Империи. А понесший немалые потери, но, несомненно, сохранившийся как боевая сила флот вернулся на свои базы. Этой частью командовала адмирал Шанторин. Вернуться-то вернулись, но только денег на ремонт не было: бюджет был высосан подчистую еще при подготовке к штурму Форпоста, остатки же ушли на то, чтобы расплатиться с донами. А народ жаждал пообщаться с героями, сокрушившими грозного врага. Выход нашелся — большинство флотских офицеров, оставшихся не у дел, тут же закрутило в вихре балов, приемов, музыкальных парадов и карнавалов, посвященных Великой, Незабываемой, Славной в веках Победе! Поначалу они ворчали сквозь зубы, что, дескать, в первую очередь надо привести в порядок корабли, да и боевой подготовкой заняться также не помешало бы. Битва все расставила по своим местам, и даже самые твердолобые консерваторы вынуждены были признать, что любой корабль донов представляет собой куда более мощную боевую силу, чем даже более высокий рангом корабль королевского флота. Причем настолько более мощную, что мог бы, не поперхнувшись, схрумкать пару-тройку таких кораблей. Впрочем, это было объяснимо, все — конструкция, конфигурация бортового вооружения, толщина брони и мощность силового поля — отработывалось донами на протяжении полутора веков битвы с Врагом. Да и сами экипажи донов были сформированы по большей части из ветеранов с не менее чем сорокалетним боевым опытом... Но офицеры королевского флота совершенно не собирались и далее оставаться в такой ситуации, за время подготовки и самой битвы они многому научились. И вот теперь настала пора воплощать эти драгоценные знания в жизнь... а вместо этого они оказались втянуты во всю эту светскую круговерть...

Впрочем, основные силы флота под командованием адмирала Жермен убыли

разбираться со вновь поднявшим мятеж Реймейком. И основательно там подзастряли. Королева приказала не лезть на рожон, а установить блокаду и спокойно дожидаться, пока мятежная планета сама не запросит пощады. Так что флотских в столице оказалось не так уж и много, да и эти в основном из эскадры Шанторин. А кому не понравится, когда возносят до небес именно твоего командира и твою эскадру? Тем более что и их первоначальное недовольство шумихой тоже принималось восторженно. Что же до «союзников», то упоминание о них стало дурным тоном, а вскоре как-то вроде бы сама собой эта тема стала табу, ну, например, как продукт деятельности кишечника. Не станет же нормальный человек говорить о нем на светском рауте или еще где-то. Вот так и «союзники» оказались в одном ряду с этим продуктом. В результате не прошло и трех недель, как всем (в том числе и самим флотским офицерам) стало казаться, что эту победу одержал именно флот королевства, а «эти вонючие мужики» только путались под ногами, а затем просто выгребли денежки и умотали. Правда, кое у кого пока не потерявшего голову во всей этой праздничной шумихе сложилось впечатление, что такое мнение возникло не вдруг, что оно создавалось намеренно, исподволь. Сначала один, за ней еще один голокомментатор бросила фразу-другую про бесполезных мужиков, «умотавших с деньгами королевства». Затем появились три-четыре репризы на эту тему, раскрученные парой популярных комиков. Потом прошла однодневная предупредительная забастовка диспетчеров, которые обвиняли правительство королевы в «неразумной растрате финансовых резервов», с соответствующими комментариями. И спустя полтора месяца все уже стали судачить о «роковой ошибке» или как минимум «о неразумном поступке нашей молодой королевы». А когда стало ясно, что причиной исчезновения королевы со всех голоэкранов и практически полного ее отсутствия на большинстве публичных мероприятий является вовсе не болезнь — авторитет королевы упал почти до нуля.

Но, как говорила герцог, общество не может без героя. И так вышло, что на роль героя вместо столь явно скомпрометировавшей себя королевы нашлась только одна-единственная кандидатура, а именно она, адмирал Шанторин. Поначалу это ее несколько озадачило, она терялась в догадках, чем это может быть вызвано. Да, ее эскадра понесла наименьшие потери среди соединений объединенного флота, но адмирал была слишком опытным флотоводцем, чтобы не понимать истинных причин этого. Она действительно отказалась наотрез терпеть рядом с собой каких бы то ни было советчиков, поскольку, во-первых, крайне не одобряла решения королевы и этой старой дуры Сандры пригласить на помощь «вонючих мужиков», а во-вторых, считала себя (как ей казалось, с полным правом) достаточно опытным командиром, чтобы справиться со всеми задачами без чужих подсказок.

На деле оказалось, что она несколько переоценивала свои силы. Первое же боевое столкновение кончилось тем, что ее эскадра смешала строй и едва не завалила весь левый фланг боевого порядка. Положение спасли как раз те самые «вонючие мужики». Они приняли на себя основной удар и удерживали фронт до того момента, когда Шанторин, перегруппировав силы, совместно с переброшенными Усатой Харей скудными резервами ударила с фланга. По правде говоря, исход этой атаки оставался неясен почти до самого конца, потому что, пока Шанторин производила свою перегруппировку, корабли донов, приданные ее эскадре, были выбиты почти подчистую, а уровень подготовки экипажей королевства (уж самой-то себе она могла в этом признаться) не шел ни в какое сравнение с тем, что был у донов. В результате до самого последнего момента, когда королева, захватив один из гигантских кораблей-монстров, сама остановила битву, атака Шанторин,

проводившаяся ею в полном соответствии со стандартными тактическими приемами, изложенными в Наставлении по боевому использованию флота, балансировала на грани между безрезультатной и полным разгромом. Что же до незначительности ее потерь, то это можно было объяснить скорее тем, что противник успел смешать боевые порядки ее эскадры еще в самом начале битвы, до того как она достигла наивысшего ожесточения, а когда Шанторин вновь вступила в бой, все уже почти закончилось.

Но, похоже, среди политиков, журналистов, общественных деятелей и высших офицеров адмиралтейства нашлось не так уж много людей, кто дал себе труд разобраться в истинных причинах произошедшего. Те же, кто все-таки разобрался, сочли за лучшее промолчать. Тем более что открыто демонстрируемое Шанторин недовольство фактом присутствия в королевстве «вонючих мужиков» пришлось по душе очень многим, а то, что адмирал и сама была ранена во время битвы, доказывало, что если уж не умения и опыта, то по крайней мере доблести ей не занимать. На этом фоне ее попытки откеститься от роли одного из главных действующих лиц Великой Победы воспринимались большинством как вполне объяснимая и похвальная скромность старого воина, не любящего суеты и шумихи. Так что, когда на горизонте появилась новая фигура — новоиспеченный член совета пэров герцог Эсмеральда, получившая эту должность после того, как прежний член совета и пэр королевства сгорела в факеле фузионного взрыва вместе со своим линкором во время битвы, — Шанторин уже и сама была готова поверить в свой героизм. Искреннее восхищение и преданность, сиявшие в глазах юной герцогини, изрядно польстили самолюбию адмирала и еще больше укрепили Шанторин в этом мнении. И лишь недавно до нее стало доходить, что все совсем не так, да и действительные причины того, что герцогиня Эсмеральда стала герцогиней и пэром королевства, тоже совершенно иные...

Проводив Шанторин в покои, любезно предоставленные (или, как теперь считала Шанторин, скорее закрепленные за ней на время выполнения задачи) героине королевства в этом замке, герцогиня окинула безупречно убранную комнату придирчивым взглядом (надо признать, хозяйкой она была великолепной и персонал вышколила до состояния теней), развернулась на каблуках и, кивнув, двинулась прочь, на ходу напомним:

— Ужин, как обычно, накроют в серебряной гостиной в восемь. Не опаздывайте, сегодня у нас ужинают барон Присби с супругом и сестры Энгеманн.

Шанторин проводила взглядом свою «радушную» хозяйку и поморщилась. Эта стерва не удостоивала ее теперь даже внешних проявлений почтительности. Что ж, этого и следовало ожидать, герцогиня явно перевела адмирала в разряд прислуги, соответственно и ведет себя с ней, как с любым другим слугой в этом замке. Утешало одно — судя по тому, что большинство слуг и кастелянов в замке были аппетитными мальчиками, герцогиня не придерживалась модной сексуальной ориентации. Так что хотя бы за свою честь можно было не опасаться. Впрочем, на этом неприятности сегодняшнего вечера не оканчивались. Из всего круга лиц, в который адмирал оказалась вовлечена благодаря Эсмеральде, супруги Присби были в самом конце списка. Особенно мужская половина — худосочный, похожий на глисту Годри Присби с бесцветными рыбьими глазами, вечно прилипшей к лицу улыбкой мертвеца и хищным, голодным блеском в глазах. Впрочем, что об этом говорить, если все равно от нее самой ничего не зависит...

Вопреки ожиданию, ужин прошел сносно. Чета Присби, к немалому облегчению адмирала, расположилась на другом конце стола, а рядом с Шанторин оказалась вполне привлекательная юная особь мужского пола в скромненьком синем костюмчике и с

минимумом косметики на лице. Особь имела нежные фиалковые глаза, полные чувственные губы и трогательный пушок над верхней губой. Так что в продолжение всего ужина адмирал имела удовольствие слушать милое щебетание мальчика, пялившегося на нее совершенно восхищенными глазами. И хотя Шанторин была уже в том возрасте, когда на человека перестают действовать милые глупости вроде восторженного подросткового преклонения, это все равно было приятнее того, чего она с опаской ожидала, а сам мальчик был гораздо милее и невиннее мужской части семейства Присби (да и женской, впрочем, тоже), поэтому адмирал отнеслась к непосредственности соседа по столу со снисходительной благосклонностью. Насколько Шанторин поняла из его восторженного щебетания, он приходился каким-то дальним родственником герцогу и в Тронном мире появился только месяц назад. А до того все свои семнадцать лет воспитывался на Пируине, в дальнем окраинном мире, о котором адмирал знала лишь то, что он существует. Впрочем, сейчас, по истечении времени, Шанторин уже перестала удивляться обширности родственных связей герцога.

После ужина герцог пригласила адмирала, супругов Присби и еще несколько человек в курительную комнату, чтобы «попробовать новые сигары, которые мне только что доставили с Эленийских островов». Что ж, занятие вполне достойное, хотя с точки зрения традиций присутствие в курительной лиц противоположного пола выглядело весьма сомнительным. Впрочем, среди приглашенных не было никого, кто решился бы напомнить хозяйке дома о традициях. Хотя, если в том, что вслед за леди в курительную комнату последовал Годри Присби, Шанторин не увидела ничего неожиданного, то присутствие там ее юного соседа по столу стало для нее несколько неожиданным. Впрочем, неожиданностей в доме герцога всегда хватало...

Спустя полчаса, в течение которых адмирал получила достаточное представление о флоре и фауне Пируина, а также о том, сколько коров у «тети Пермении из соседнего имения» и как часто «...тетя Гриффинула убегает от дяди Лорина в свой охотничий домик. А егерем у нее там Нумина по прозвищу Мама-Громила, которую боится даже дядя Лорин», до нее дошло, что, как видно, собрались еще не все гости, которых ожидала их гостеприимная хозяйка. То, что, несмотря на отсутствие гостя, они таки отужинали, показывало, что гость не слишком-то велик рангом, чтобы из-за него откладывать ужин. С другой стороны, то, что уже столь длительное время после ужина гости предоставлены самим себе, а герцог никак себя не проявляет и до сих пор не начала серьезного разговора, могло означать только одно — гость столь важен для предстоящего обсуждения, что начинать без него не имеет смысла. Шанторин почувствовала себя неуютно.

Почему ее оставили в неведении? Она перестала вслушиваться в щебетание своего очаровательного соседа и исподтишка окинула взглядом присутствующих. Супруги Присби наслаждались сигарами с таким подчеркнuto безмятежным видом, что всем присутствующим сразу должно было стать ясно — уж они-то полностью в курсе происходящего. Но адмирал достаточно хорошо изучила эту парочку и ее повадки, чтобы понять — эта демонстрация еще ничего не означает. К тому же, даже если бы Присби и обладали информацией, то, прежде чем сказать хоть что-то Шанторин, они вытянули бы из нее все жилы. И опять же демонстративно, на глазах у всех, наслаждаясь каждой секундой этой пытки. Так что этот вариант отпадал. Шанторин с надеждой перевела взгляд на старшую из семейства Энгеманн, но, на ее счастье, в этот момент на пороге появилась герцог. Судя по ее торжествующему виду, их долгое ожидание наконец-то подошло к концу.

— Господа, я ждала еще одного важного гостя, и вот только что он, хвала Еве, наконец-то прибыл. — С этими словами герцог сделала шаг в сторону и повернулась, открывая взору собравшихся свою новую гостью. Адмирал подалась вперед, напряженно вглядываясь в дверной проем. Что ж, долгое ожидание присутствующих было вознаграждено в полной мере. На пороге появилась... профессор Антема, личный врач королевы.

После того как профессор устроилась в «гостевом» кресле (у большинства постоянных гостей в курительной были свои заранее определенные места, а остальные сидели на мягких диванчиках, обитых искусно выделанной кожей балеарской антилопы), герцог, занявшая место напротив гостыи, с почтительным видом протянула ей запечатанный пеналец с сигарой и по праву хозяйки задала вопрос, который, несомненно, вертелся на языке у всех с того момента, когда гостыя появилась на пороге курительной:

— Как вы можете охарактеризовать состояние королевы, доктор?

Профессор благосклонно приняла пеналец, неторопливо распечатала, извлекла сигару, размяла ее в пальцах, поднесла к носу, втянула воздух ноздрями и причмокнула:

— Да-а-а герцог, это, несомненно, «Черный Элиниум», причем, скорее всего, с восточных плантаций... думаю, «Элиниум плагин» или «Элиниум гламо».

Антема все так же неторопливо распечатала свежую гильотинку, аккуратно откусила кончик сигары, затем погрела ее над огнем, осторожно раскурила и набрала в рот ароматного дыма:

— М-м-м-м-да, просто великолепно... что же касается королевы, то... скажем так, ее состояние вполне естественно для женщины, находящейся в детородном возрасте, но беременность она переносит крайне тяжело...

— Она действительно беременна?

— А вам известно от кого?

— Говорят, от своего офицера связи, какого-то крестьянина...

— А как относится к ее беременности гвардия?

— А сколько у нее недель?

Вопросы посыпались со всех сторон, но профессор замолчала и принялась смаковать сигару, поэтому они мало-помалу прекратились, и все выжидательно уставились на Антему. Та еще где-то с полминуты демонстративно курила, затем отложила сигару на подставку и повернулась к хозяйке дома:

— Прежде чем я начну отвечать на ваши вопросы, я хотела бы обозначить свою позицию. Я не принадлежу к аристократическому роду, но то, что я согласилась появиться здесь, вовсе не означает, что я придерживаюсь республиканских взглядов. Я по-прежнему верна короне, но... я не хочу, чтобы королевством правил прижитый неизвестно от кого ублюдок-полукровка.

Все пораженно молчали. Потом герцог свистящим шепотом задала главный вопрос:

— Значит... у нее девочка?

— Ну все, сладенький мой, иди... тетенька поспит. Вот тебе за труды.

Толстая матрона с отвислой грудью небрежно сунула Лерою смятую полусотенную купюру, устало махнула пухлой пятерней, затем перевернулась на левый бок и, пару раз взбрыкнув задом, уостила мягчайшее пуховое одеяло между жирными коленками. Лерой послушно отодвинулся на край кровати, сел, нащупал ногами тапочки и поднялся. Осторожно, чтобы не потревожить клиентку, он сдернул со спинки стула тонкую шелковую, всю в кружевах рубашку, узкие обтягивающие панталоны, туфли, трусики и чулки и на цыпочках двинулся к двери. Не успел он пройти и половины расстояния, как стало ясно, что можно было особо и не осторожничать. Комнату огласил мощный храп, прямо-таки рык мистрисс Пелемогры...

Выскользнув за дверь, Лерой швырнул вещи на пол и стал одеваться. Спустя пару минут он закончил с облачением и, бросив взгляд в ближайшее зеркало (они на этажах были расставлены буквально на каждом шагу), привычным жестом поправил прическу и разгладил манжеты. Из зеркала на него смотрел изысканно одетый брюнет с гибкой, но мощной фигурой, большими, сильными руками с крупными ногтями, которые, если бы не маникюр, смотрелись бы страшновато, и едва заметными клыками, торчащими из-под верхней губы. Мистрисс Пелемогра была последней клиенткой, за окном уже светало, и сегодня больше никого не предвиделось. Лерой улыбнулся, обнажив жутковатые клыки, подмигнул своему отражению и, тряхнув головой, пошел к лестнице, сопровождаемый громогласными руладами, доносившимися из номера, который он только что покинул. Это означало, что мистрисс Пелемогра полностью удовлетворена сегодняшним свиданием...

Внизу его ждал Роб. Лерой почувствовал его еще на втором лестничном пролете, вернее, он почувствовал, что мастер Труа не один, сразу же как вышел на лестницу, но то, что второй — Роб, понял только на втором пролете. И Роб ждал его. Иначе зачем бы ему торчать у стойки? Это означало, что что-то произошло.

Мастер Труа заметил Лероя, лишь когда он спустился в холл.

— А-а-а, Лерой, мальчик. — Старый сутенер блеснул маслянистыми глазками, голодным движением провел языком по тонким губкам и тут же растянул их в сладенькой улыбочке. — Ну, как наши дела? Мистрисс Пелемогра довольна?

Лерой (он еще заранее скорчил дебильно-слащавую рожу, которая в этом борделе нравилась всем — от самого мастера и до клиенток) молча достал из-за пояса смятую купюру и протянул мастеру.

— А-ха-ха, а-ха-ха, — визгливо засмеялся Буримир Труа, — вот молодчина, вот умница. — Купюра исчезла в его пальцах так быстро, что какому-нибудь стороннему наблюдателю могло бы показаться, будто она просто втянулась под кожу ладоней. Но сторонних наблюдателей здесь не было. Уж за этим-то Роб следил строго. О том, что в этом деле на Роба вполне можно положиться, было отлично известно не только тем, кто жил в его борделе, но и всем обитателям улицы Двух лун, главной улицы столичного квартала Красных фонарей.

С того дня, когда уродливый горбун в поношенном крестьянском плаще и с лицом, изуродованным какой-то странной болезнью, от чего оно стало сильно напоминать морду ящерицы, впервые постучался в двери роскошного борделя мастера Труа, пользовавшегося

довольно широкой популярностью в среде развращенной золотой молодежи столицы, прошло всего полтора года. Шел сильный дождь, и старая привратница, отворившая дверь, не сразу разглядела, кто это сунул свой нос в эти шикарные двери, обитые тончайше выделанной шкурой алосского быка. Впрочем, в тот момент они были уже не такими уж и шикарными, ибо мастер Труа как раз испытывал некоторые трудности с клиентурой. Нет, его «Отель удовольствий» и тогда отвечал самым строгим стандартам и предлагал клиенткам полный спектр необходимых услуг от эромассажа и традиционного секса до голубых, розовых и садомазо-сеансов, а также коллективных оргий. Но подобные услуги на улице Двух лун предлагали еще добрых два десятка заведений, а если брать весь квартал, то и все полторы сотни. Кроме того, в квартале всегда присутствовали специализированные салоны и индивидуалы разного пола, возраста и предпочтений, число которых в разные времена доходило до пяти, а то и до шести сотен. Так что конкуренция была страшно высока.

И ведь не всегда было так. Ах какие славные раньше были времена!.. Работы хватало всем. Ну разве еще пять-семь лет назад могла какая-нибудь почтенная матрона или юная леди пропустить возможность время от времени выбрать часок-другой и завернуть в заведение, где смазливые разбитные мальчики в лепешку расшибутся, чтобы доставить уважаемым гостям максимум удовольствия? Ведь если иногда не давать себе расслабляться, то от вечных мужских капризов можно и свихнуться. И каждой клиентке квартал предоставлял удовольствия по ее вкусу и кошельку. А на мелкие нарушения трудового кодекса и всякие бредни типа «нещадной эксплуатации незащищенных мужчин» никто не обращал внимания (а если и обращал, то все улаживалось парой купюр, быстро перекочевывавших в карман полицейских или проверяющих). И всем было хорошо.

Но затем настали другие времена. Юная королева хорошенько проредила буйный и своенравный дворянский «огород», кое-кого лишив поместий, кое-кого дворянства, а кое-кого и самой головы. И тут внезапно оказалось, что сии «удаленные» (тем или иным макаром) головы и составляли большую часть клиентуры наиболее дорогих борделей. А те, кого королева приблизила к себе и одарила землями, чинами и дворянством, имели совершенно другие интересы. Так что толпы щедрых женщин, соривших деньгами направо и налево, сгинули в прошлое. И роскошные бордели, ранее распахивавшие свои двери только перед представительницами самой что ни на есть аристократии и презрительно захлопывавшие их перед нуворишами из числа простолюдинок, теперь, наоборот, начали охоту за такими клиентками. Но таких было слишком мало.

Почтенные матроны из нового поколения торговых, банковских, промышленных семейств быстро учуяли, какой образ мыслей и какие предпочтения являются высочайше одобряемыми, и по большей части с головой ушли в бизнес и преумножение семейных капиталов, отодвинув сладостные извращения на самые дальние задворки. К тому же те из их числа, кто все-таки питал склонность к подобному времяпрепровождению, уже составляли традиционную клиентуру борделей рангом пониже, где для столь любимых клиенток обычно держали «эсклюзивный персонал», отвратить от которого этих матрон было не так-то просто. Так что к тому моменту, когда Роб постучался в двери «Отеля удовольствий», дела борделя шли не очень-то блестяще, как, впрочем, и у большинства его соседей по улице Двух лун...

Привратница сурово нахмурила брови и, окинув взглядом могучую фигуру ростом не менее шести с половиной футов (да и то потому, что эта фигура стояла сильно сгорбившись), строго спросила:

— Чего тебе?

В ответ послышался надсадный кашель (только спустя некоторое время выяснилось, что Роб отнюдь не был простужен, просто болезнь настолько изуродовала его, что он любую фразу предварял прокашливанием), а затем хриплый голос с натугой произнес:

— Есть... е-е-есть...

Привратница насторожилась и, переключив ручной фонарь на узкий луч, направила его в лицо неожиданному посетителю, после чего ахнула, отшатнулась и торопливо захлопнула дверь. Так на улице Двух лун впервые открыто явился лик Роба...

На следующий день Роб появился вновь. Но на этот раз стоило ему постучаться в дверь, как она призывно распахнулась, и на пороге нарисовался сам мастер Труа. Вглядевшись в Роба, он крикнул и довольным голосом произнес:

— Действительно, натуральный урод, прям жуть берет. — Повернувшись к привратнице, он добавил: — Ну, твое счастье, Иглима, — если бы его успел перехватить кто-то еще, я бы тебе яичники вырвал.

Привратница Иглима, толстая сварливая бабища с крепкими кулаками, угодливо хихикнула, а хозяин отеля кивнул на Роба:

— Проводи его в заднюю комнату, пусть помоеется, а то от него несет, как из помойного ведра, которое не выносили целую неделю, а затем приведи в мой кабинет.

Столь странное и неожиданное благоволение к этому уродливому бродяге объяснялось довольно просто. Мастер Семерик, владелец «Сада наслаждений», еще недавно испытывавший сходные трудности, в последний месяц сумел изрядно поправить свои дела, раскопав где-то в провинции мальчика с оригинальным уродством. Тот имел по шесть пальцев на каждой руке и раздвоенный язык. И клиент пер на него со страшной силой. Так что теперь каждый хозяин борделя был озабочен поисками какого-нибудь уродца...

Впрочем, с Робом ничего не вышло. Он был слишком громоздок, неуклюж, а при виде обнаженных женских прелестей впадал в полный ступор или (что еще хуже) в страшную панику. Но вот привратником он оказался великолепным. От его глаза или, вернее, нюха не могла укрыться ни одна визикамера, ни один полицейский глаз, а уж буянам достаточно было только взглянуть на его страшноватую физиономию и огромные когтистые кулаки величиной с лошадиную голову каждый, чтобы тут же прийти в состояние полной умиротворенности. Но, к счастью владельца «Отеля удовольствий», загадочная эпидемия, поразившая его деревню (мастер Труа так до конца и не разобрался, с какой из окраинных планет происходил Роб, Впрочем, он и не особо старался разобраться) и изуродовавшая Роба, оставила свои следы и на его родственниках и односельчанах. Так что спустя всего полмесяца после того, как Роб постучался в двери отеля, на его пороге возник его гораздо более симпатичный племянник, на вид почти ничем не отличавшийся от обычного юноши. Однако его тело от шеи и до ступней было покрыто толстой кожистой чешуей (особенно пикантно эта чешуя смотрелась на интимных деталях, но, как оказалось, сие совершенно не мешало этой части его тела выполнять порученную ей природой работу, а некоторые клиентки считали, что даже изрядно помогало), из-под верхней губы выпирали небольшие клычки, а ногти по размерам почти равнялись дядиным. Короче, он тоже оказался натуральным уродом, причем благодаря своей юности и более изящному (только на фоне дядюшки) телосложению пришелся по вкусу гораздо более широкому кругу клиентуры. А кроме того, он был не один. К настоящему моменту в отеле имели честь пребывать уже трое племянников Роба, по имени Лерой, Тироль и Идрис, из-за чего заведение дядюшки Труа

пользовалось бешеной популярностью...

Как только купюра, попавшая в руки хозяина, втянулась ему под ногти, мастер Труа благосклонно кивнул Робу... дядюшке Робу, и тот захрипел и зашелся в кашле. Это означало, что он вот-вот разразится длительной, на пять-шесть слов, речью. Но Лерой уже все понял сам:

— Дядя...

Роб наконец справился с кашлем и начал выстреливать слова:

— Тироль... письмо... тетушка... Магмара...

Лерой коротко кивнул и бросился по коридору к своей комнате.

Мастер Труа проводил его умильным взглядом. Ах, мальчик сегодня заработал ему почти шесть сотен, ну что за душка! Хозяин так до конца и не понял, что произошло и о каком письме идет речь, но, судя по тем обрывкам, что достигли его ушей, вроде бы заболела какая-то родственница его уродцев. Ну и Адам с ней...

Однако через десять минут его настроение круто изменилось. Запершись в своем кабинете, он только-только приступил к приятнейшему занятию, которому предавался каждое утро (особенно после такой удачной ночи, как сегодняшняя), когда вдруг в дверь кабинета постучали. Мастер Труа на мгновение замер, затем торопливо захлопнул денежный ящик и ткнул пальцем в кнопку активации визикамеры, чтобы посмотреть, кто это там ломится к нему в это святое (как это было известно всем обитателям борделя) время.

Экран показал развернутую картинку всех четверых земляков-уродцев, переодетых в уличную одежду и навьюченных вещмешками. Несколько мгновений Труа оторопело пялился на эту картину, грозившую пустить под откос все его финансовое благополучие, а затем решительно надавил на клавишу, открывающую электронный замок.

Через минуту все четверо выстроились у дальней стены его кабинета. Заговорил, как всегда, Лерой:

— Мы это... хозяин... нам надо уехать...

Мастер Труа, который в течение этой минуты продолжал с показной сосредоточенностью пересчитывать деньги, оторвался от своего занятия и сурово уставился на них. Несколько мгновений его маленькие свинячьи глазки бегали по их лицам в поисках признаков иронии (хотя еще мгновение назад он был совершенно уверен в том, что эти тупые выкормыши с окраинных миров в принципе не умеют шутить), затем его тонкие губы растянулись в подобии угодливой улыбки. О, он совершенно не собирался никак угождать этим провинциалам, еще чего... просто это был условный рефлекс, выработавшийся у мастера за долгие годы столичной жизни.

Столица — очень жестокий и подлый мир, где место под солнцем завоевывается в упорной схватке с тысячами других, тоже жаждущих этого места, где каждый готов вцепиться в плотку каждому и где даже самый мелкий и незначительный обитатель в любой момент может показать свои у кого мелкие, а у кого и неожиданно крупные и опасные клыки. Так что, как только нос мастера Труа различал в воздухе угрозу его собственному благополучию, все его органы тут же рефлекторно приходили в боевое положение, то есть на губах появлялась угодливая улыбочка, голос приобретал лебезящие нотки, а шея тут же опускала голову на пару дюймов ниже и разворачивала таким образом, что вся фигура мастера Труа приобретала униженно-просящие очертания. А что делать? Возможность встречать угрозу глядя ей в лицо и с гордо поднятой головой всегда, во все времена, стоила в столице слишком дорого и для многих и многих ее обитателей была недостижимым

удовольствием.

— Но... как же так, дорогие мои? Неужели вы хотите бросить старого дядюшку Труа? И это после всего, что я для вас сделал?

Лерой переступил с ноги на ногу и, вжав голову в плечи, угрюмо пробормотал:

— Простите, мастер, нам надо... тетушка Магмара помирает... и сарай надо матери отремонтировать...

Мастер Труа всплеснул пухлыми руками:

— О Ева-заступница, какие мелочи... — По изменившимся лицам стоявших перед ним главных источников дохода он мгновенно понял, что так говорить нельзя, и сменил тон: — Нет-нет, мне тоже очень жалко вашу тетушку, я даже готов... — Тут его руки вновь торопливо погрузились в денежный ящик, лихорадочно отыскивая среди смятых бумажек купюры помельче. — Вот... возьмите, — толстые пальцы мастера вынырнули наружу с несколькими зажатыми между ними купюрами достоинством один и два кредита, — отправьте эти деньги тетушке, и она сможет купить на них дорогое лекарство (это была неслыханная щедрость, поскольку предложенная хозяином сумма превышала месячный заработок любого из стоящих перед ним). Так что вам совершенно незачем ехать самим... — Мастер Труа рассыпался довольным смехом. И напрасно. Стоявшие перед ним уроды — гаранты его процветания лишь угрюмо переглянулись и еще больше нахохлилась. Похоже, их решимость покинуть «Отель удовольствий» была слишком твердой, чтобы ее могла поколебать такая сумма, как, наверное, и более крупная. Но мастер Труа попытался.

— Послушайте, вам совершенно незачем уезжать. Вашей тетушке лучше поможет квалифицированный врач. А вы там будете только мешаться. Более того, здесь вы сможете заработать... причем больше, намного больше, чем раньше. Я согласен платить вам... — Тут мастер Труа запнулся, ибо слова, что сейчас готовился произнести его язык, жгли огнем его сердце. — Вы будете получать... два-ад... нет, тридцать кредитов в месяц! — Хозяин борделя вздрогнул и зажмурился от подобной перспективы и едва не дал задний ход. Но... если эти трое уедут, то на его «Отеле удовольствий» можно поставить...

— Да! Я буду платить вам тридцать кредитов. — Хозяин решительно кивнул, трясая тройным подбородком и, распахнув глаза, гордо уставился на стоящий перед ним персонал. К его изумлению, даже столь чудовищная сумма совершенно не произвела на них никакого впечатления. Мастер Труа, все еще не пришедший в себя от собственной щедрости, оторопело вытаращился на них. О Ева-спасительница, что же еще может их остановить? И тогда мастер Труа решился на отчаянный шаг. Он вновь запустил руку в денежный ящик и (буквально чувствуя, как скрипят и хрустят пальцы) вытащил оттуда две измятых полусотенных кредитки:

— Вот, вот, возьмите, отправьте тетушке, матери... на это можно построить дюжину сараев.

Гаранты процветания переглянулись, Тироль покачал головой:

— Да-а-а...

Ему в ответ кивнул Лерой:

— Двенадцать сараев! Это... о-о-о-о!

Следом покачал головой дядюшка Роб, а Идрису выпала часть закончить обсуждение.

— Да уж! — глубокомысленно заявил он. Но к протянутым Труа деньгам никто не прикоснулся.

Мастер нахмурился и тряхнул вытянутой рукой (деньги жгли ему пальцы):

— Ну же, чего вы стоите, берите!

Уроды снова переглянулись, Лерой вздохнул:

— Извините, мастер Труа. Но... нам не нужно столько сараев!

Большой парадный выезд герцога Эсмеральды, как и большинство подобных моделей других высокопоставленных особ, был сконструирован на базе стандартного армейского десантного бота типа «Мотылек». Вообще-то ходили слухи, будто у графини Эрлисии большой парадный выезд был собран на основе ходовой платформы типа «Гусь» (в просторечии «Большая буханка»), но это было уже нонсенсом. «Гусь» имел сорок ярдов в длину и двенадцать в ширину. А поскольку согласно традиции парадный выезд передвигается только над наземными дорогами и на высоте не более одного фута от поверхности, для подобного монстра оказывались недоступными девяносто девять процентов наземных дорог. Он просто не вписался бы в первый же поворот. Так что даже если это и было правдой, то, скорее всего, этот парадный выезд графини никогда не покидал пределы ее поместья. Парадный же выезд герцога Эсмеральды был вполне стандартных размеров — десять ярдов в длину и три с половиной в ширину. И внешне он почти ничем не отличался от классических образцов — высокий корпус с огромными зеркальными окнами, массивная сдвижная дверь, масса хрома и позолоты и пара двойных «стаканов» для лакеев в кормовой части. Конечно, открытые площадки с поручнями, по мнению герцога, выглядели бы шикарнее, но ей эта колымага досталась по наследству, и она решила ничего не менять. Тем более что, если все пойдет по плану, от нее все равно придется отказаться. Может быть, поэтому она так любила эти вечерние поездки по поместью. Настолько, что велела заложить парадный выезд даже сегодня, хотя с самого утра не переставая лил дождь... Впрочем, скорее всего, это был один из последних выездов. Сообщение профессора Антемы заставило резко форсировать планы, поэтому скоро все должно решиться. Скоро произойдут события, которые вознесут ее, герцога Эсмеральду, на самую вершину власти... и заставят отказаться от маленьких радостей. Поэтому она спешила пользоваться моментом...

Когда жаркая дискуссия в курительной начала понемногу иссякать, герцог незаметно выскользнула из комнаты и поднялась к себе в кабинет. Она едва успела разжечь жаровню, нагреть песок и воткнуть в него несколько джезв с ароматным содержимым, как дверь кабинета тихо открылась и в комнату деловито вошли пять человек, которых она ожидала. Адмирал Шанторин была не в курсе того, что помимо того круга лиц, озабоченных судьбой королевства и изысканием возможности направить его развитие по пути свободы и демократии, к которому ныне принадлежала и она сама, существует еще один, гораздо более узкий круг. Причем мнение лиц этого круга весило гораздо больше, чем всех остальных сторонников изменений в государстве, вместе взятых. Ну, по поводу четверых из этого узкого круга у Шанторин, даже узнай она о его существовании, не возникло бы никаких вопросов. Потому что она считала этих четверых личностями, способными без всякого мыла пролезть в любое, даже самое узкое анальное отверстие. Но вот пятое лицо... Впрочем, адмирала Шанторин здесь и в помине не было, а в глазах герцога присутствие всех пятерых выглядело вполне оправданным. Поэтому Эсмеральда только слегка покосилась на вошедших, ни на мгновение не отрываясь от своего чрезвычайно важного и серьезного занятия, требующего полной сосредоточенности. В этом большом поместье, заполненном десятками и сотнями вышколенных слуг, не было ни одного человека, которому герцог доверила бы это дело. Впрочем, таковых не было и на всей этой планете, да и вообще в королевстве существовало только трое, кому Эсмеральда могла бы доверить, и то не очень охотно, заваривание кофе.

Причем один из них был уже мертв.

Наконец джезвы почти одновременно вскипели густой коричневой пенкой, после чего их содержимое было разлито по маленьким изящным чашечкам, которые тут же переключали в руки гостей. И герцог наконец позволила себе уютно устроиться в своем кресле:

— Итак, что будем делать?

Сестры Энгеманн переглянулись, затем старшая втянула губы и откинулась на спинку мягкого диванчика, вновь, как и обычно, предоставляя младшей огласить их совместное мнение:

— Ждать больше невозможно. *Акция* должна быть проведена в течение недели.

Герцог насмешливо вздернула бровь:

— Это *общее* мнение?

Младшая Энгеманн скривилась.

— Разве это сборище болтунов способно выработать какую-то общую позицию? Это наша позиция. — Она бросила выразительный взгляд на остальных присутствующих. Молчание супругов Присби было выразительнее всяких слов. Герцог медленно кивнула:

— Годри, как там дела с рейтингами?

Глистообразный Годри Присби вялым движением извлек из папки, с которой никогда не расставался, тонкие пластиковые листки распечатки. Пару мгновений он вглядывался в них, а затем скривил лицо в странной гримасе, которую окружающие могли расценить и как отвращение, и как брезгливое одобрение:

— Пока неплохо, но динамика мне не нравится. По-моему, начинается откат.

— А мы можем что-то сделать за *оставшееся* время?

Годри задумался. Его жена хранила молчание. Только очень информированные люди знали, что за последние десять лет Каролина Присби где подкупом, где угрозами, где прямым шантажом сумела получить негласный, но от этого не менее эффективный контроль над тремя из пяти самых влиятельных головизиосетей королевства. Но это было еще не все. Действуя теми же методами, она смогла продвинуть в руководство профсоюза работников головещания Берту Железную Задницу, которая вот уже лет восемь как была у нее на содержании. И это назначение позволило ей накинуть удавку на своенравную и не признающую никаких *видимых* ограничений журналистскую вольницу. Ибо неугодные журналисты теперь довольно быстро оттеснялись от первых ролей. Нет, внешне все было прилично, никто не налагал никаких запретов, просто на тех каналах и у тех программ, которые выступали с позиций, неугодных Каролине Присби, внезапно начинались проблемы с персоналом.

Электрики, осветители, ассистенты внезапно принимались выдвигать требования о повышении зарплаты, сокращении рабочего дня, улучшении условий работы, проводить предупредительные забастовки, пикетирование студий, сидячие бойкоты. Каналы лихорадило, студии срывали сроки подготовки программ, и так продолжалось до тех пор, пока руководство не сдавалось и не меняло программную политику, отказываясь от услуг неугодных журналистов. В этом случае тоже все обставлялось вполне прилично. Руководители каналов и редакторы программ на пресс-конференциях и в частных интервью жаловались на финансовые трудности, на необходимость сократить расходы, на проблемы с оснащением и иные причины. Так что выброшенные за ворота «звезды» независимой журналистики, привыкшие не только к независимости, но и к увесистым гонорарам,

внезапно обнаруживали, что они больше не являются желанными гостями ни на одном сколь-нибудь крупном канале. И задумывались, почему это произошло. Многие приходили к правильным выводам, ну а рядом с теми, кто был недостаточно разумен и никак не хотел поверить в происходящее, как-то случайно оказывались один-два доброхота, которые и разъясняли им, деликатно, что и как.

Большинство молча сделало выводы и вскоре вернулось к своим местам в центре экранов и привычным гонорарам. Меньшинство же, не пожелавшее поступиться принципами, было тут же «притоплено» еще ниже, на третьеразрядные каналы, к совсем уж смешным гонорарам, где многие тихо спились. Так что вот уже почти два года практически вся сеть головизиоканалов национального масштаба либо находилась под полным контролем Каролины Присби, либо чутко держала нос по ветру, настороженно ловя не просто предпочтения хозяйки, но даже оттенки этих предпочтений. Именно этим и объяснялось то стремительное изменение народных настроений и отношения к королеве, которое сторонний наблюдатель мог наблюдать за последние четыре месяца. Но сторонних наблюдателей здесь не было. Те же, что были, сами находились под воздействием кампании по промыванию мозгов, организованной подконтрольными Каролине Присби СМИ. Вот только никто не догадывался, что это вовсе не Каролина захватила контроль над головизиосетями и прибрала к рукам профсоюз. Все это было сделано по планам и под руководством ее крайне невзрачного на вид и внешне флегматичного супруга. Поэтому, когда Годри открывал рот, Каролина предпочитала молчать.

— Не знаю... — Годри с сомнением покачал головой. — И без того вся кампания ведется на грани фола. Если «пережать», население вполне может «вспомнить», что оно любит королеву, и тогда...

— А как дела на финансовом фронте?

На этот раз вопрос был обращен к сестрам Энгеманн. Им принадлежал самый крупный по активам и развитию филиальной сети банковский холдинг королевства. О чем были осведомлены практически все граждане королевства. А также еще добрая сотня более мелких полукриминальных структур и тысячи ныне действующих и давно почивших в бозе фирм-однодневок, являвшихся профессиональными «прачечными» по отстирыванию криминальных финансовых ресурсов. О чем были осведомлены очень немногие. Причем обороты и, соответственно, доходность этой криминальной составляющей совместного бизнеса сестер Энгеманн заметно превышали обороты и, естественно, доходность легального бизнеса.

На этот раз ответила старшая:

— Неплохо. Мы увеличили свою долю до блокирующего пакета в «Элисон найкуз» и «Блонди дайнемикс», что с предыдущими нашими приобретениями выводит нас на вторую позицию. Конечно, если бы ситуация развивалась более... плавно, можно было бы предпринять еще кое-какие полезные шаги, но, если королева сумеет восстановить свой контроль над деятельностью регистрационной палаты, наши потери будут несоизмеримо выше возможных приобретений. Так что я — за безотлагательное проведение акции.

Герцог понимающе кивнула и обратила свой взор на последнего гостя:

— Ну а что скажешь ты?

Гость манерно скривил губки:

— Никаких проблем.

Герцог хмыкнула:

— Что ж, тогда... так и решим. Я думаю, что за оставшиеся несколько дней сумею подготовить наших... *единомышленников* (все присутствующие понимающе переглянулись, уловив интонацию, с какой герцог произнесла это слово) таким образом, что, когда *это* произойдет, они будут совершенно уверены, что все решили сами.

На этом и порешили...

Герцог тряхнула головой, отвлекаясь от воспоминаний. Большой парадный выезд плавно притормозил и остановился. Герцог приподнялась на подушках и, вытянув шею, выглянула в окно. Вокруг все было спокойно, но в следующее мгновение мимо промелькнула пестрая ливрея. Это означало, что рева сирены и ругани пилота через полуоткрытую форточку кабины оказалось недостаточно для устранения причины остановки. В таком случае на эту причину, пожалуй, следовало посмотреть поближе. Заодно и ноги размять. Эсмеральда хлопнула ладонью по сенсору разблокирования дверей и поднялась на ноги. Дверь едва успела отойти в сторону, как у проема возникла запыхавшаяся лакей.

— Что там?

Лакей побагровела:

— Не извольте беспокоиться, ваша светлость, сейчас все будет...

Герцог досадливо сморщилась:

— Послушай, милейшая, я задала тебе вопрос, а не спрашивала твое мнение по поводу того, как быстро вы все устраните. Сказать по правде, только за то, что мы все-таки остановились, вы уже заслуживаете порки. Итак, что там произошло?

Лицо лакея последовательно сменило багровый, снежно-белый и сине-зеленый тона, после чего она с натугой заговорила:

— Там это... крестьяне какие-то. Тупые невероятно...

— С чего ты взяла, что тупые?

— Так это... мы их плетками лупим, а им хоть бы что...

Герцог заинтересованно вскинула подбородок:

— Ну-ка, ну-ка... — Одной из ее тайных страстей было коллекционирование людей с редкими уродствами или причудливыми извращениями психики. Правда, основная часть ее коллекции пока хранилась далеко отсюда, но кое-какие экземпляры она привезла с собой. И возможность пополнить эту коллекцию ее страшно возбудила.

То, что она увидела, не слишком впечатляло. Прямо посреди дороги, в луже уныло сидел здоровенный самец (настолько огромный, что Эсмеральда даже цокнула языком, она еще никогда не видела такого самца). Рядом с ним в столь же безучастных позах сидели еще три самца потоньше и помоложе. А вокруг них прыгали трое лакеев, остервенело охаживая всех четверых плетками. Герцог немного постояла, любясь, потом достала из кармана свисток и резко дунула. Вышколенные лакеи тут же прекратили лупцевание и отпрянули назад. Эсмеральда подошла поближе и чувствительно пнула большого самца носком ботфорта. Тот никак не отреагировал. Герцог пнула сильнее, так что от удара даже заныл большой палец ноги. Но результат остался неизменным. Герцог хмыкнула:

— Эй, ты...

В ответ самец разразился натужным кашлем, и герцог немедленно отодвинулась назад. Не хватало еще подцепить какую-нибудь заразу. Кто их разберет, этих бродяг, чем они там болеют? Конечно, медцентр вылечил бы любую болячку за пару дней или за неделю, в зависимости от того какой медкомплект использовать — стационарный или портативный, но у Эсмеральды как раз-то и не было этих двух дней. Сейчас счет шел уже на часы, и

опоздание грозило полным крахом. Если все, что рассказала эта старая сучка Антема, — правда, то королева очень скоро окончательно очухается и тут же не преминет запустить обе руки в тот кисель, который удалось создать им с четой Присби и сестрами Энгеманн, а это означало полный провал. У этой молодой стервы острый глаз, да к тому же совершенно отсутствует патологическое мягкосердечие, присущее всем представителям ее ветви династии (за исключением, пожалуй, только адмирала Сандры, но та приходится королеве родственницей скорее по боковой линии). То есть доброты у нее, конечно, не отнять (уму непостижимо, до какой степени раздут бюджет вспомоществования отцам-одиночкам, вдовцам по случаю потери кормилицы, сколько было пооткрыто сиротских домов), но, увы, не к мятежникам...

Наконец урод прокашлялся и хрипло, с натугой проговорил:

— Мы... крестьяне... госпожа. Работали... в столице... госпожа. Сейчас... домой... госпожа.

Герцог поморщилась, но не ушла. От этих сог-бенных фигур явственно веяло непробиваемой тупостью. И перед ней внезапно забрезжило решение проблемы, которая подспудно занимала ее ум все последние дни, а именно проблемы верности. Дело в том, что большая часть слуг поместья были родом отсюда, с Тронного мира. И, несмотря на строжайший личный отбор, она все же сомневалась, останутся ли они верны ей, если она поднимет мятеж. Надежных же людей, которых она переправила из родных мест и в верности которых нисколько не сомневалась, было не очень много, и в ближайшее время они должны были понадобиться в десятке разных мест. Конечно, такое положение должно было продлиться недолго — неделю, максимум две, а затем на Тронном мире высадились бы десятки и сотни тысяч верных соратниц, чье прибытие стало бы совершенно неожиданным даже для сестер Энгеманн и супругов Присби. Но этого надо было еще дожидаться. Надо было не только продержаться, но и постараться взять под контроль наиболее важные точки, чтобы обеспечить бесппроблемную высадку прибывших подкреплений. И главным фактором успеха всего предприятия было — не упустить двух высокопоставленных пленниц. Ибо план всего мятежа (эти дуры, ее соратницы, все еще думали, что участвуют в банальном мятеже) был построен на том, что никто, кроме узкого круга посвященных, до нужного момента не подозревает, что в королевстве происходит самый настоящий мятеж. Приказы флоту и войскам должны были отдавать штатные командиры или официальные «исполняющие обязанности», назначенные в связи с болезнью командира, его отлучкой по семейным обстоятельствам или еще по какой-либо личной причине. Сетевые новости должны выходить в срок и быть самыми обычными, биржа — держать колебания индексов в обычных параметрах. Так что жизнь должна течь своим чередом до тех пор, пока...

Конечно, можно было бы, как предлагали сестры Энгеманн или мужская половина Присби, по-тихому придушить королеву и ее тетку, но Эсмеральда допускала это лишь на крайний случай. Потому что существовала большая вероятность того, что пленницы могут ей понадобиться на конечном этапе, в последние дня два из десяти дней ожидания подкреплений, если вдруг сестры Энгеманн или супруги Присби почуют ее двойную игру. Угроза выпустить пленниц, да еще и выступить на их стороне должна была дать пару дней форы, которые могли оказаться жизненно важными. А в случае совсем уж непредвиденного развития событий можно было действительно выпустить пленниц, объявив им, что она, Эсмеральда, действовала по принуждению... или, лучше, из искреннего убеждения в преимуществе республиканского пути, но разочаровалась в соратницах. А пока горящие

ненавистью друг к другу мятежники и роялисты рвали бы друг друга в клочья, все бы уже закончилось... Но для этого надо было удержать пленниц.

Герцог окинула сидящих перед ней уродцев заинтересованным взглядом. Какая интересная мутация! Тупость только на руку, тупых труднее подкупить и сложнее убедить. Да и дольше к тому же... Но сначала стоит проверить еще пару предположений. Эсмеральда протянула руку к лакею:

— Шокер!

Та выхватила оружие и поспешно ткнула в руку хозяйке. Герцог большим пальцем передвинула регулятор до максимума и, направив раструб на сидящую в луже глыбу плоти, нажала на спуск. Глыба не шелохнулась. Герцог поочередно перевела раструб на три фигуры поменьше. Те уже отреагировали... правда, всего лишь легким почесыванием. Оставался последний тест.

— Ошеломитель!

Лакей вздрогнула, но тут же опомнилась и метнулась к своему «стакану». Спустя минуту герцог подняла раструб ошеломителя и нажала на спусковой рычаг. Крупный самец взревел и прыгнул вперед, на обидчицу, а тех, что помельче, скрутило... что, однако, не помешало им откатиться в сторону, выходя из-под луча. Вышколенные лакеи, не успев ничего осознать, рванулись навстречу...

Через десять секунд герцог холодно улыбнулась в оскаленную... морду (назвать это лицом не было никакой возможности) и небрежно бросила:

— Я беру вас на службу. На десять дней. Оплата двенадцать золотых в день, — и, кивнув в сторону «стаканов», добавила: — Полезайте. — После чего повернулась и величественно проследовала в салон. Крупный самец поднял окровавленные лапы и уткнулся озадаченным взглядом в «стаканы». А один из тех, что помельче, тронул его за плечо и без предварительного кашля произнес:

— Пойдем, дядюшка Роб...

Тот опустил лапы, окинул пустым взглядом куски мяса, оставшиеся от мгновенно растерзанных четырех тренированных лакеев-охранниц, и, понуро опустив плечи, послушно побрел в сторону освободившихся стаканов. В его голове звенела мысль: «Мы сделали это!»

Это утро началось просто великолепно. В общем-то, все последнюю неделю она просыпалась довольно рано и почти каждый день в хорошем настроении, но сегодня... сегодня все было необычным. Тэра проснулась на рассвете и некоторое время лежала, положив руку на живот и чувствуя кожей ладони едва ощутимое биение крохотного сердечка. И этот едва ощутимый (а возможно, даже совершенно не ощутимый, а просто придуманный ею) ритм наполнял ее сердце чистой, незамутненной радостью. «Ты не одна, — говорило ей это маленькое сердечко. — Даже если *он* ушел навсегда, ты все равно не одна».

В восемь часов она впервые за последние четыре месяца вышла к завтраку. Встретившаяся ей по пути молоденькая дворцовая служанка разинула рот, увидев причесанную и аккуратно покрашенную королеву, бодрым упругим шагом спускающуюся по лестнице в малую столовую. И это изумление еще больше подняло Тэре настроение. Похоже, ее уже списали со счетов все, а не только политики. Что ж, тем неприятней будет для всех ее неожиданное выздоровление...

Сандра появилась уже к концу завтрака. Задержавшись в дверях, она окинула взглядом уютную столовую, Тэру, с аппетитом уплетающую фруктовый десерт, криво усмехнулась, шагнув вперед, пододвинула ногой, обутой в парадный ботфорт, кресло и опустила в него свой сухопарый зад:

— Вижу, милая моя, тебе явно полегчало.

Тэра старательно облизала ложку и бросила ее в вазочку из-под десерта, окинула взглядом разгром, учиненный ею на столе, и вздохнула:

— Да уж, не могу представить, что еще пару дней назад меня с души воротило при виде всей этой вкуснятины.

Сандра рассмеялась:

— Ну, слава Еве-спасительнице... в таком случае, милая моя, нам пора идти в твой любимый кабинет.

— Ну, это мы всегда с удовольствием, — хмыкнула королева, с некоторым затруднением выбираясь из-за стола. С тех пор как Сандра ушла с поста регента, у нее не было официального кабинета во дворце, как, впрочем, и официальной должности. Однако, когда королева вплотную занялась подготовкой нападения на Форпост, в связи с чем Сандра вновь переселилась во дворец, она заняла те же самые апартаменты, которые были у нее во время регентства. И хотя это не было никак закреплено официально (ни даже устным распоряжением королевы), никто и не подумал возражать. На следующий же день после того, как Сандра разместилась в своих старых апартаментах, мажордом доставила в ее старый кабинет прежнюю мебель (которую, как оказалось, она заботливо сохранила в своих кладовых, запретив кому бы то ни было ее растаскивать), а через день начальник узла связи дворца уже установила там ЗАС-терминал. Так что, когда Тэра через пару дней появилась в кабинете Сандры, она ошеломленно замерла на пороге, а затем весело рассмеялась. Ей показалось, что она вернулась в почти беззаботное детство. И все те месяцы, пока шла подготовка к штурму Форпоста, это ощущение было ее маленькой тайной. Иногда она даже специально придумывала себе причины, чтобы лишний раз вырваться из холодно-официальных, заполненных стерильным кондиционированным воздухом помещений Главного штаба флота или помпезных дворцовых зал и появиться в этом кабинете. Все для

того, чтобы вновь погрузиться в то время, когда маленькая королева Тэра сидела, забравшись с ногами, в большом черном кресле, стоящем в самом углу кабинета регента рядом со старомодным книжным шкафом и, посасывая карамель на палочке, таращилась на склонившуюся над бумагами тщательно завитую макушку самого регента. Поэтому сейчас, после стольких месяцев мучений, когда она практически не покидала своей спальни, ей было особенно радостно вновь окунуться в то беззаботное время (пусть для кого-то со стороны оно и не казалось столь уж беззаботным).

Войдя в кабинет, Тэра тут же направилась к своему любимому креслу. Однако, как оказалось, усесться так, как ей хотелось, на этот раз как-то не получилось. Мешал пусть и не слишком заметный, но уже явно увеличившийся живот. Но по сравнению с пережитыми мучениями это была такая мелочь, что Тэра лишь улыбнулась.

Сандра с размаху шмякнулась в свое старое, изрядно потертое кресло и, по своей старой привычке вскинув ноги в ботфортах на мраморную столешницу, протянула руку к терминалу ЗАС. Терминал был запрограммирован на сканирование папиллярных линий на всей площади ладони; спустя мгновение после того, как рука оказалась в поле сканирования, над столом должен был вспыхнуть двусторонний экран. Однако ничего не произошло. Сандра нахмурилась:

— Адам побери... опять у них что-то сбоят...

— Мы кого-то ждем? — осведомилась Тэра.

Сандра досадливо поморщилась:

— Ну да, мой Усачок страшно желает нам что-то сообщить... а, ладно, позвоню так. —

И она извлекла из кармана свой комкомп.

Через минуту Сандра оторвала от уха комкомп и с недоумением уставилась на него.

— Что такое? — лениво осведомилась Тэра, которую после обильного завтрака слегка разморило в кресле.

— Не знаю. — Сандра пожала плечами. — Похоже, и мобильник вырубился. Поле исчезло. Куда смотрит эта засранка Имага (полковник Имага была комендантом дворца)?

Но развить эту тему она не успела. В кабинет ввалился Усатая Харя. Окинув взглядом присутствующих, он расплылся в улыбке, которая тут же сменилась озабоченным выражением:

— Девочка моя, как ты себя чувствуешь?

Тэра озорно хмыкнула:

— А то ты не видишь, старый хрыч.

Старый дон облегченно расхохотался:

— Вот теперь вижу, маленькая буянка. — Но тут же посерьезнел. — Ладно, хватит веселиться, нам предстоит обсудить не очень-то веселые вещи. Кстати, завтрак я приказал подать сюда. На троих.

Сандра фыркнула:

— Ну, после того что наша маленькая проказница устроила в малахитовой столовой, я не думаю, что она к нам присоеди...

— Ну почему же, — промурлыкала Тэра, — я не наелась десерта. Клубника со сливками сегодня была чудо как хороша.

Через десять минут, когда прислуга, споро накрывшая на стол, наконец удалилась, они приступили к набиванию животов. Спустя пятнадцать Усатая Харя, успевший быстро прикончить сковороду отличного омлета с беконом и изрядно уполовинить кувшин,

отодвинул от себя тарелку:

— Вот что, девочки, пока вы были заняты своими женскими проблемами, вокруг начали твориться какие-то странные дела.

Сандра, уже подносящая ко рту вилку с порцией икры, чернеющей на маленьком язычке сливочного масла, замерла:

— Что ты имеешь в виду?

Усатая Харя тяжело вздохнул:

— Я хотел бы ошибиться, но... — Он пожал плечами и начал рассказывать...

Пятнадцать минут спустя Сандра с каменным лицом встала из-за стола, подошла к терминалу ЗАС и вновь попыталась включить связь. Затем все с тем же застывшим выражением на лице вернулась на свое место, извлекла из кармана комкомп и нажала на кнопку активации:

— Что ж, в свете всего того, что ты мне только что рассказал, я боюсь, мы опоздали.

Усатая Харя нахмурился:

— Ну, я не думаю...

Но договорить ему не дали. Двери распахнулись, и в кабинет ввалилась дюжина личностей. Одеты они были в униформу дворцовых слуг, но в руках у них вместо подносов и ажурных подсвечников было оружие — ручные игольники и лучевики. Позади всех маячила фигура с армейским плазмобоем, правда устаревшего образца.

Усатая Харя среагировал первым. Он взревел:

— Мятеж! — и, рывком выдернув из-под себя тяжелое кресло, швырнул его в приближающихся налетчиц. Двух, вооруженных дальнобойными охотничьими лучевиками, вынесло наружу вместе с оконной рамой. Благородный дон прыгнул на стол, схватил увесистый подсвечник и следующим ударом опрокинул массивную налетчицу, с трудом впихнувшую свои телеса в мундир лакея-коридорной. В этот момент в бой вступила адмирал. Когда две налетчицы попытались схватить ее за руки, она оттолкнулась ногами от пола, так что кресло, в котором она сидела, начало опрокидываться на спинку, а затем резко раскинула ноги в стороны, прибавив к силе своих мышц инерцию падающего кресла. Обе налетчицы опрокинулись навзничь. Адмирал перекатилась назад и взревела:

— Мятеж! Гвардия — ко мне!!

Королева тоже не осталась безучастной — схватив со стола пару вилок, она метнула их в толпу. Одна из них, похоже, оставила только синяк на взвизгнувшей фигуре, а вот вторая вошла точно под правую надбровную дугу налетчице с худой лошадиной физиономией и горящим взором, со сбитой набок поварской наколкой на голове, от чего кабинет тут же заполнился отчаянным визгом. Этот пугающий звук вкупе с удачным ударом Усатой Хари, ловко опустившим массивный подсвечник на затылок еще одной налетчице, от чего та без звука рухнула на пол, забрызгав суетившихся рядом с ней товарок своими мозгами, заставил налетчиц откатиться назад к двери, где они и замерли, бестолково теснясь и размахивая оружием. Похоже, весь их арсенал был предназначен для запугивания, и они не собирались пускать его в ход, очевидно решив, что двое ветеранов и предводительница флота, только что разгромившего чудовищную армаду Врага, при виде десятка ручных стволов тут же поднимут лапки вверх.

Некоторое время стороны молча пялились друг на друга. Сандра скривила губы и презрительно бросила:

— Тоже мне, мятежники... уроды, только сиськами перед мужиками трясти умеете.

В этот момент в проеме двери появилась стройная фигура, закутанная в темный плащ и вздернутой полой его прикрывавшая лицо. Остановившись на пороге, женщина окинула взглядом кабинет — поваленную мебель, выбитое окно и три неподвижные фигуры на полу — и вскинула руку, делая знак кому-то за своей спиной. Сандра фыркнула, намереваясь высказать появившемуся главарю налетчиков (а это, несомненно, была она) все, что она думает о таких адамовых подстилках (в том, что мятеж провалился, у нее не было никаких сомнений, ведь вот-вот в библиотеку должны были ворваться верные гвардейцы), как вдруг в проеме двери показалось новое лицо. На этот раз не скрытое никакими масками или полами плащей. Это была... профессор Антема. Сандра ахнула:

— О святая Ева, профессор, вы?

Личный врач королевы подслеповато прищурилась и пошевелила губами, но не успела ничего сказать, так как фигура в плаще откинула полу и тоже обнажила лицо.

— Да, мой милый адмирал, это она. — Герцог Эсмеральда ослепительно улыбнулась и, повернувшись к профессору, нежно проворковала: — Ну же, профессор, я долго буду ждать?

Профессор суетливо завозилась, и через пару мгновений в ее руках возник тускло поблескивающий полицейский ошеломитель. Повисла зловещая тишина. Все присутствующие прекрасно знали, что королева беременна, а полицейский ошеломитель было категорически запрещено применять против беременных женщин именно потому, что он вызывал неминуемую гибель плода. И вот это оружие появилось в руках врача...

— Профессор... — Голос Сандры дрогнул, и тут ее перебил взволнованный, торжествующий голос герцога:

— Подождите, мой друг. Сначала я уберу вот это.

Эсмеральда шагнула вперед и, выдернув плазмобой из рук потерянно переминавшейся с ноги на ногу налетчицы, отточенно-привычным жестом вскинула приклад к плечу. Усатая Харя взревел и отпрыгнул в сторону, поэтому первый заряд плазмы прожег дыру в стене, обдав всех находившихся в комнате нестерпимым жаром. Королева жалобно вскрикнула и схватилась за живот. Герцог злобно выругалась себе под нос и вновь взяла прицел. Адмирал донов громко чертыхнулся, отпрыгнул подальше от королевы и замер, свирепо уставившись на смотревший прямо ему в лицо раструб плазмобоя. Герцог надавила на спуск.

Но за мгновение до этого Усатая Харя извернулся и, скрипнув зубами от натуги, швырнул навстречу заряду плазмы валявшееся на полу кресло, на котором сидела прежде Сандра. В комнате полыхнуло, стоявшая рядом Сандра отлетела к стене и, приложившись о нее, рухнула на пол, но потери были не только у обороняющихся. Трое налетчиц, оказавшиеся слишком близко к той точке, где заряд плазмы столкнулся с массивным креслом, с воем и визгом катались по полу, стараясь сбить пламя и царапая себе обожженные глаза. Герцог швырнула плазмобой на руки подвернувшейся мятежнице, снова зло ругнулась и кивнула профессору:

— Давайте же скорее, а то на нас действительно откуда-нибудь свалятся гвардейцы.

Та суетливо вскинула ошеломитель и, зажмурившись, нажала на спуск...

Сандра очнулась от чувствительного удара по ребрам.

— Ну ты, вставай!

Сандра открыла глаза. Над ней нависала чья-то рожа, более похожая на творение пьяного столяра, чем на человеческую физиономию. Адмирал несколько мгновений вглядывалась в это убогое творение природы, затем снова закрыла глаза и застонала.

— Вставай, я сказала, хватит, покатались!

Это заявление вновь было подкреплено болезненным ударом, на этот раз под дых. Сандра скрипнула зубами. Да что же это такое! Как они смеют так обращаться с ней... но в этот момент откуда-то сбоку послышался раздраженный голос:

— Капра! Ты долго будешь там копать? Пока ты возишься, я тут успею зачать и родить!

И тут Сандра вспомнила все...

Их выволокли наружу из бота и бросили к ногам герцога (адмирал едва не воткнулась носом в изящные, украшенные инкрустацией носки ее ботфорт). Тэра все еще была без сознания. Верхняя рубашка королевы была расстегнута, а на ее животе виднелись синяки и кровоподтеки. Стервы! Подонки! Похоже, пока их везли, конвоиры поразвлекались, оббивая носки своих сапог о ее живот. Сандра стиснула зубы и тихо зарычала. О Ева, если бы у нее были свободны руки... В этот момент торчащий прямо перед ее глазами носок ботфорта приподнялся, чуть отодвинулся назад и аккуратно, но чертовски больно заехал ей в нос. Сандра, не выдержав, тихо простонала.

— Прекрасно, — удовлетворенно констатировала герцог, — одна очнулась. Что ж, не будем ждать, волоките их за мной.

Чьи-то грубые руки подхватили Сандру под локти и потащили сначала по мягкому газону, а затем по твердым каменным плиткам. Через сотню шагов плитки кончились, и перед взором Сандры предстали уходящие вниз ступеньки узкой лестницы. Минута, и они оказались перед толстой дверью, обитой ржавым железом. Дверь отворилась, на Сандру пахнуло сыростью и холодом. Сопящие конвоиры, или, вернее, носильщики, заволокли ее внутрь и остановились.

— Поднимите ей голову!

Кто-то схватил адмирала за волосы на затылке и грубо задрал голову. Герцог стояла прямо перед ней, все в том же плаще, и демонстративно неторопливым жестом стягивала с руки черную перчатку. За ее спиной начиналась густая тень дверного проема, в котором маячили еще какие-то фигуры.

— Вот, познакомьтесь, эти... самцы будут вашей охраной. — Герцог сделала шаг вперед и, развернувшись на каблуках, величественно повела рукой. Те, кто прятался в темноте, приблизились к пленницам и сноровисто, что говорило либо о большом опыте в подобного рода делах, либо о хорошей подготовке, перехватили у охранниц-носильщиц их заломленные руки. Охранницы, в свою очередь, отпустили пленниц и, повинаясь следующему величественному жесту (герцог вообще все делала величественно), коротко поклонились и исчезли в темноте. Герцог несколько мгновений выжидательно смотрела на своих пленниц, по-видимому надеясь увидеть на их лицах признаки страха и отвращения, затем разочарованно скривилась. Королева все еще была без сознания, а Сандра, похоже, не заметила в своих новых охранниках ничего неожиданного. Что ж, в таком случае стоило заострить на этом внимание специально:

— Я бы посоветовала вам получше приглядеться к этим самцам. Я завела их специально для столь высокопоставленных пленниц...

Следующие пять минут герцог детально расписывала особенности и склонности своих специальных охранников, но, заметив наконец, что пленницы как-то слабо реагируют на ее старания, оборвала речь и властным жестом указала на двери камер:

— Отведите их. Я займусь ими чуть позже, — после чего повернулась и двинулась вверх по лестнице. Но не успела она сделать и трех шагов, как ее остановил хриплый голос

Сандры:

— И все-таки, зачем тебе это? У тебя нет ни права крови, ни даже права рода. Ты еще даже не пэр, ведь палата не успела утвердить твои полномочия. Тебе никогда не занять трона.

Эсмеральда остановилась, величественно-неторопливо повернулась и бросила надменный взгляд на скрученную, стоящую на коленях Сандру:

— Значит, ты считаешь, что мне никогда не стать королевой?

Сандра дернулась, но эти чудовищные твари держали ее в своих лапах крепче, чем бетон, поэтому она смогла лишь скривиться и смачно сплюнуть.

Герцог усмехнулась:

— Ну что ж, значит, в этом государстве больше не будет королевы вообще.

После чего повернулась и, с трудом сдерживая смех, двинулась дальше. Эта баба думает, что ее интересует это маленькое королевство, расположенное на дальних задворках миров людей. Вот дура-то!

Сначала раздался кашель... Усатая Харя оторвал щеку от кулака и прислушался. Кашель был какой-то необычный, нервно-подхаркивающий, с прихлебом. Затем хриплый голос с наугой заговорил:

— Эй... адмирал!

Усатая Харя скинул ноги на пол и сел на нарах. В тусклом окошке, забранном толстой решеткой, что-то маячило. Усатая Харя рывком поднялся на ноги и, сделав шаг вперед, приник к окну. Пару мгновений он напряженно вглядывался в громоздкую фигуру, стоящую с той стороны решетки, потом тихо ахнул:

— Дети гнева...

Это было невероятно! С той стороны двери на него смотрел «гранитный носорог», тяжелый штурм-боец десантного легиона Детей гнева... Откуда он мог взяться здесь, на другом конце обитаемой части галактики, так далеко от Светлой? И тем не менее он был здесь.

— Кто ты? — хрипло спросил Усатая Харя мгновенно севшим голосом.

— Штаб-майор Раабе Большой Топор. Первый десантно-штурмовой легион.

Усатая Харя судорожно вздохнул. Неужели у них есть надежда?

— Сколько вас?

— Здесь, на поверхности — четверо. Но остальные трое — «ночные ящерицы».

На физиономию Усатой Хари наплыла разочарованная гримаса — «ночные ящерицы» были великолепными рейнджерами, но в прямой боевой схватке они не могли составить конкуренцию «гранитному носорогу» — и тут же исчезла. Нет, конечно, «гранитные носороги» — лучшие бойцы Вселенной, но того, на что способны «ночные ящерицы», с лихвой хватит на пару местных десантных взводов. К тому же в случае прямого столкновения со всеми вооруженными силами королевства с делом не справились бы и четыре «носорога».

— Откуда ты взялся, майор?

Но «носорог» молча протянул ручищи и, ухватившись за угол стального листа, которым была обшита дверь, напряг мышцы. Пару мгновений ничего не происходило, затем сталь заскрипела и лопнула. С деревянным основанием двери майор расправился еще быстрее, и спустя минуту Усатая Харя уже протискивался в широкую щель, открывшуюся в мощной тюремной двери.

— Пошли! — Могучая фигура легионера отвернулась, адмирал еле успел ухватить его за бицепс... ну, за рукав.

— Постой, надо найти...

Но майор не дал ему договорить:

— Королева и ее тетка уже у нас. Пошли, время...

Из подвала они вышли через узкую дверь, около которой Усатая Харя разглядел в темноте что-то похожее на человеческое тело. Он нервно хмыкнул, представив, что сделали с охранницей когти легионера (поговаривали, что «гранитный носорог» способен в одиночку, голыми руками справиться с казгоротом, хотя Усатая Харя в это не очень-то верил, ну разве что двое...), и поспешно отвернулся.

Они прошли шагов двадцать, когда шедший впереди легионер свернул налево и с неожиданным для столь громоздкого тела проворством нырнул в заросли колючего багряного

пишковника. Усатая Харя на мгновение замешкался, он был почти голый, а пишковник был весь усыпан длинными и острыми шипами, но тут впереди послышался кашель, и адмирал поспешно рванул вперед...

Минуты через три они вывалились на небольшую поляну среди зарослей. Увидев в дальнем ее конце две сидящие женские фигуры, Усатая Харя с облегчением выдохнул и остановился. Сандра подняла голову, рывком вскочила на ноги и бросилась навстречу. Она с разбега прижалась к дону всем телом и спрятала лицо у него на груди:

— Ты... живой...

Усатая Харя смущенно хмыкнул и нежно погладил ее по волосам:

— Ну вот еще, сырость развела... что со мной станется? Чай не впервые в морду из плазмобоя получаю. Шкура уже дубленая, так просто не возьмешь.

Сандра подняла к нему влажное от слез лицо, несколько мгновений разглядывала его, потом обвила руками его шею и еще крепче притиснула к себе...

Они опомнились, лишь когда за спиной Сандры послышался ворчливый голос королевы:

— Может, мне кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

Усатая Харя (с немалым трудом) оторвался от Сандры и подскочил к королеве:

— Боже мой, девочка, что с тобой... как ты... ты не ранена?.. Как ты себя чувствуешь? — Его руки торопливо ощупывали ее плечи, запястья, бедра, пытаясь отыскать следы ран и порезов. Тэра некоторое время терпеливо ждала, когда это кончится, потом капризно двинула плечиком.

— Адмирал... Усачок, ну сколько можно меня лапать?

Дон Крушинка резко, словно обжегшись, отдернул руки, смущенно хмыкнул, подкрутил ус и качнул головой:

— Ну, я вижу, с вами, ваше величество, вроде как все в порядке.

Тэра хихикнула:

— Я это уже сто раз говорила, а твоя жена никак не хочет поверить... Так что происходит? Кто эти... люди?

Усатая Харя насупился:

— Забери меня шайтан, я и сам не очень-то понимаю... То есть кто они, я знаю. Их у нас называют Дети гнева. Но кто их послал... — дон Крушинка пожал плечами, — ума не приложу. Детям гнева никто не указ. Разве что... — Усатая Харя на мгновение задумался, потом решительно мотнул головой. — Да нет, чепуха.

— Что?

Адмирал донов махнул рукой:

— А-а-а, чепуха. Лучше расскажите, как вы... — Он осекся и, посмотрев вокруг, настороженно спросил: — Кстати, а чего мы ждем?

Сандра недоуменно пожала плечами:

— Не знаю. Наши спасители исчезли, ничего не сказав. А что тебе объяснил твой?

Усатая Харя сморщил нос и выразительно скривил губы.

— Понятно, — сказала Сандра.

— Кстати, — спохватился дон Крушинка, — а как они оказались в вашем секторе? Насколько я понял, там у этой сучки Эсмеральды была какая-то особая охрана.

— Эти ребята как раз и были особой охраной. То есть не только они одни, но они были, так сказать, главным пугалом. Эта стерва герцог Эсмеральда представила их нам как наш самый жуткий кошмар на ближайшие двадцать лет. Они-де уроды с Окраин, с какой-то

жуткой радиоактивной планеты, притом настоящие каннибалы, поскольку при их метаболизме без свеженького человеческого мяса никак нельзя, и ко всему прочему они предпочитают сырое мясо. Причем пищу поглощают с чувством, с толком, с расстановкой. То есть не забивают на мясо сразу всю тушу, а, так сказать, едят постепенно. Сегодня — пару пальчиков, завтра кусочек лодыжки, послезавтра приглашают гостей на левую ягодицу. Причем от воплей поедаемых они испытывают особый кайф...

Дон Крушинка некоторое время с оторопелым видом слушал это описание, наконец не выдержал и захохотал. Сандра запнулась, сердито посмотрела на него — и тоже заулыбалась.

— Ну а дальше что? — спросил Усатая Харя, немного успокоившись.

Сандра скривилась:

— А дальше было вот что. Эта сука Эсмеральда думала, что они на ее стороне. Только она сильно ошибалась. Когда наступил вечер, эти самцы просто порвали всю остальную нашу охрану, порвали на куски, выломали дверь нашей камеры. — Она покачала головой. — О Ева-спасительница, когда они вели нас по коридору, я боялась, что меня стошнит. Нельзя так поступать с людьми, какими бы уродами они ни были... — Сандра зябко поежилась и обхватила плечи руками. Но тут послышался голос Тэры:

— Они сами выбрали свою судьбу.

Сандра хмыкнула:

— Ой, девочка моя, ничего они не выбирали. Это только кажется, что каждый человек выбирает свою судьбу. А на самом деле... ты думаешь, у простолюдинов этого... да и любого другого манора большой выбор жизненного пути? Все решает сеньор, а простолюдинам ничего не остается, как следовать за ним по выбранному им пути.

Тэра упрямо вскинула подбородок, явно собираясь спорить, Сандра взмахнула рукой, останавливая ее, и торопливо продолжала:

— Думай что хочешь, нам все равно сейчас не до споров... Ну и вот, они вывели нас из казематов, привели на эту поляну и приказали ждать. А через пару минут появился ты. — Сандра бросила взгляд на огромный силуэт легионера, смутно различимый в густой тени, и закончила: — Так что, милый, если хочешь знать, что нам делать дальше, лучше тебе поинтересоваться у твоего провожатого.

Усатая Харя на мгновение задумался, решительно тряхнул головой и двинулся к штаб-майору. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как из сумрака вынырнули три гибкие тени. В тот же момент грузная фигура легионера зашевелилась, и после короткого приступа кашля трое бывших пленников услышали свистящий шепот:

— Нам пора идти.

Первые несколько сот ярдов они продирались через кусты шишковника. Впрочем, продирались — слишком сильно сказано. Впереди скользили сквозь переплетения ветвей три «ночные ящерицы», а следом за ними по разведанному маршруту дорогу прокладывал «гранитный носорог». По пробитому им туннелю можно было идти, даже не пригибаясь, но, когда они остановились передохнуть на небольшой полянке, дон Крушинка заметил, как пробитый легионером туннель на глазах вновь затягивается переплетением колючих ветвей.

Минут через пятнадцать они вывалились из зарослей у какого-то пруда, и штаб-майор взмахнул рукой, призывая бывших пленников замереть и не шевелиться. «Ночных ящериц» уже нигде не было видно. Сандра, пригнувшись, высунула голову из-за плеча дон Крушинки. Заросли кончились. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась равнина. Сандра хмыкнула. Она слабо представляла себе окрестности замка герцога Эсмеральды, но, судя по

расположению лун, они двинулись к востоку, а с этой стороны поместья начинались Великие Аргеносские равнины, огромное пустынное пространство с редкой растительностью и еще более редкими озерцами солоноватой воды. Миль через триста эти равнины, гигантским гребешком охватывающие Альдильерский хребет, плавно переходили в каменистую пустыню. Укрыться здесь было совершенно негде, даже просто от внимательных глаз, не говоря уж о хомодетекторах. Да и с орбиты их можно было бы обнаружить обычным оптическим датчиком. Впрочем, сколько она ни оглядывалась, виден был только легионер. А где остальные трое? Наверное, равнина не такая уж и плоская... или она недооценила их способности, что более вероятно.

[Купить полную версию книги](#)